

Павел Парфин

“Полонез”

Павел Парфин

«Полонез». Книга фантастики

«Издательские решения»

Парфин П.

«Полонез». Книга фантастики / П. Парфин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900765-0

«Полонез» — книга из 29 историй о мужской дружбе трех неразлучных товарищей: Дика, Керуака и Михаила. Действие книги происходит как в вымышленном городе Сумске, так и в фантастических мирах. Связующим звеном большинства историй является бар «Полонез», в котором любят собираться Дик, Керуак и Михаил, и неизменный хозяин бара по имени Герц.

ISBN 978-5-44-900765-0

© Парфин П.
© Издательские решения

Содержание

Чужая мечта	6
Оазис	9
Собиратель спичек	14
Бабочка Дика	18
Грибной оракул	21
Мокрый рай	33
Тень слона	47
Белый чай	52
Единороги	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

«Полонез» Книга фантастики

Павел Парфин

Редактор Павел Парфин

Дизайнер обложки Павел Парфин

Корректор Павел Парфин

© Павел Парфин, 2017

© Павел Парфин, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0765-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чужая мечта

Мир раскололся. Я оказался на той его половине, которую называют гетто неудачников. Таких, как я, – легион. Мы – таксисты. Возим мечты счастливых. Деньги, власть, бизнес и разные материальные блага давно не имеют значения для наших клиентов. Все это давно у них есть. То, что когда-то принадлежало мне и подобным мне, с некоторых пор перешло в собственность тех, чьи мечты с утра до ночи и с ночи до утра обслуживают люди, называющие себя «таксистами».

Когда денег не счесть, хочется невозможного. Прогресс дошел до того, что научились материализовать мечты. В это трудно поверить, но это и в самом деле так. На мечты нарастили мясо людей, насадили головы, наделили рассудком и членами людей... Теперь практически не отличить девушку-человека от девушки-мечты. Нет, лукавлю, конечно, можно отличить. Мечта выглядит как леди после фитнеса или массажа. Холенная, спокойная и беспроблемная. А заказчица, как бы ей хорошо ни жилось, явно проигрывает своей мечте. Такое время настало: люди, даже успешные и состоявшиеся, не дотягивают до своих мечтаний даже внешне. О внутреннем отрыве и говорить не приходится: он – непреодолимая пропасть. И изменить ничего нельзя.

Такие, как я таксисты, привыкли собираться вечером по пятницам в баре «Полонез». В нем нет ничего особенного, просто невесть когда появилась эта традиция – по пятницам сюда приходят таксисты, пьют горькую до утра, пока не погаснет на небе последняя звезда, слушают старый, замшелый блюз, отдающий дешевым виски и крепким табаком, и плачутся друг другу в жилетку.

– Я обозлился на весь свет, – говорю я Михаилу и Дику, с которыми свел меня сегодняшний вечер, и они понимающе кивают, с безразличным видом потягивая виски. Сегодня на удивление немногочленно. Обычно в это же время в баре не протолкнешься, сигарный дым стоит в спертom воздухе плотной завесой, от блюза и громких выкриков подвыпивших таксистов ломит в ушах, зубы ломит ото льда в стаканах с виски, чешутся натруженные кулаки в ожидании слепой драки, а глаза горят лютой ненавистью – ко всему миру...

В такие часы я по обыкновению замыкаюсь в себе, у меня нет ни малейшего желания излить кому-нибудь душу – к бесу такие откровения, когда бар похож на базар или место боевых действий!.. Но сегодня иначе. Сегодня на редкость тихо и почти пустынно. Вероятно, эта нетипичная для «Полонеза» обстановка и виски, ударившее в голову, развязали мой язык, отпустили мне душу...

– Я обозлился на весь свет, – повторил я и снова замолчал, прислушиваясь к себе, к тем тайным токам, которые постоянно будоражат душу где-то глубоко-глубоко и лишь в редкие мгновения выходят наружу, превращая нас в объекты насмешек, любви и ненависти, в мишень для Бога... Наконец, я продолжил:

– Неудачи слились в бесконечную череду. Да что вам говорить, вы, может быть, лучше меня это знаете. От жизни радостей никаких. Да тут еще вдобавок участились ссоры с Еленой, моей женой. Мы были не расписаны, но жили вместе много лет... Она пыталась рассказывать мне о своих мечтах, а я кричал в ответ, что не верю, чтобы у кого-то из нас еще оставались мечты. Я стал все чаще срываться, устраивать скандалы, но так и не посмел поднять на нее руку... Видимо, в моей душе еще теплился огонек нежности к Елене, и, бессознательно щадя ее, я ушел из дома. Стал работать как проклятый, без конца подменяя напарника и не только его. Словно одержимый, я искал приключений на свой зад, искал повода на ком-нибудь отыграть...

Легче сорвать свою злость на бестелесном, кто не может дать тебе отпор. Наверно, ангелы, в этом смысле, идеальные объекты для наших нападков и нашей злости. Но ангелов нет, они – предмет нашей больной, ранимой фантазии... Зато есть чужие мечты.

Вот уже три часа я послушно и монотонно возил по гудящему, ослепленному неоновым светом, офанаревшему от людских страстей и пороков городу мечту какой-то крутой заказчицы, кажется, мадам Р. Супермаркеты, салоны, солярии, бутики, бары и даже Улица сиреневых снов, где мечты могут обмениваться телами, – повсюду следовало побывать. Чужая мечта была вызывающе молода и хороша собой, в ней было столько апломба и самолюбования, что она отказалась меняться телом с желтолицей, как луна, мечтой какого-то африканского шамана или афериста.

По большому счету, мне дела не было до той девицы-мечты. Я просто решил сорвать на ней, призрачной, свою злость – гораздо более телесную и реальную, чем мечта. Я хотел досадить. Кому? Да всем! Заказчице, Елене, чужой мечте – ведь своей у меня, наверное, отродясь не было. Нечего плодиться, мысленно заводил я себя, нечего раздражать своим неприступным видом таких, как я. Нечего! Счастья в жизни нет, а классовые различия – есть. Сегодня с этим никто уже не спорит. Мы не знаем своих классовых врагов – зато мы знаем их мечты. Поэтому мы можем ненавидеть только их, чужие мечты, они нам понятны, а те, кто породил их на свет, кто мечтал и продолжает мечтать, – нет.

Я зажал мечту мадам Р. в салоне своего старенького такси и взял ее силой. Вы когда-нибудь трахали чужую мечту да еще против ее воли?..

Я на мгновенье оборвал свой рассказа и исподлобья оглядел своих приятелей. Они сидели молча с отсутствующим выражением на лице. В какой-то момент мне захотелось плюнуть в их равнодушные мины и уйти. Но я удержался, поддержанный неведомым чувством. Возможно, гордыню мою усмирил дождь, вдруг как из ведра обрушившийся на тротуар. Его жадные крупные капли залетали внутрь бара сквозь полуоткрытое окно. Как бы там ни было, я продолжил:

– Тогда мне трудно передать вам те ощущения, которые испытываешь при совокуплении с чужою мечтой... Расплата настала уже через день. Меня били... Меня могли бы убить. Спасла от неминуемой смерти чужая мечта. Я видел ее один раз и больше никогда не встречался с ней... Говорят, за нее кто-то отвалил бешеные бабки. Не знаю. Я хотел поделиться новостью с Еленой, узнать, может, она что-то слыхала про эту шальную мечту, что чудом спасла меня... Но Елена пропала. Ее не оказалось ни дома, ни у знакомых. Не знаю, зачем мне это было надо, но в поисках Елены я обзвонил ближайшие больницы и морги. Везде мне отвечали одно и то же: не знаем, не видели, не поступала...

Спустя почти месяц после ее таинственного исчезновения один мой знакомый рассказал, что Елена стала чем-то вроде бродяги или битника, потому что заложила все, что у нее было и оттого оказалась на улице. «Зачем ты это сделала?» – спросил у нее мой знакомый, когда однажды нос к носу встретился с ней у черного входа в какой-то ресторан, где часто паслись бомжи в ожидании дармовой кормежки. Знаете, что ответила Елена моему приятелю? «Чтобы оплатить одну мечту», – скупно ответила она. Какую мечту, она так и не призналась.

А я, парни, до сих пор жив. И, как ни в чем не бывало, разъезжаю в новеньком такси. Купить его мне помогла чужая мечта – та самая, которую я когда-то «згвалтував». Когда я спросил, почему она так ко мне отнеслась, она ответила: «Мне было так одиноко, а ты единственный, кто принял меня за живую».

Да вот и она!

Я снова прервал свой рассказ, на этот раз окончательно. Потому что именно в этот момент, развеивая лапами плаща, на которых живыми брильянтами сверкали капли дождя, стремительно вошла молодая девушка. Она была восхитительно красива.

– Мечта-а-а! – тут же оживившись, изумленно воскликнул Михаил.

– Ага! – расплывшись в довольной, счастливой улыбке, поддакнул ему Дик и поднялся навстречу красивой незнакомке.

– Парни, это – моя мечта! – я коротко представил друзьям свою девушку и, тут же простившись с ними, быстро вышел с ней из бара.

Оазис

В пятницу 4 октября мы по обыкновению собрались в таксистском баре «Полонез» – и не узнали его. Герц, хозяин бара, за неделю сделал такой ремонт, что камня на камне не оставил от старой обстановки. Не стесняясь в выражениях, Михаил и Дик крыли на чем свет стоит Герца, посмеявшегося разрушить привычный образ разгульного уюта, который сложился в наших головах за долгие годы. Я же делал вид, что ничего страшного не произошло, и равнодушно помалкивал. В тот вечер мне было не до барных пертурбаций. Накануне я впервые крупно повздорил с Юти, своей мечтой, оттого ушел в себя, заиклившись на бесконечном внутреннем диалоге с Юти.

Моя мечта отказалась принять от меня цветок, я бессмысленно вертел в руке его сломанный стебель и был одержим одной-единственной мыслью – как можно скорее и больше сегодня выпить. Однако в следующую минуту взорвался и я, когда не обнаружил стола, за которым мы пили не один год. На месте старого стола стоял новый. Недовольно помявшись и поскрежетав зубами, мы уселись за него, всем своим видом показывая Герцу, что нам глубоко наплевать на те перемены, которые он устроил в наше отсутствие.

Герц принес бутылку виски и три стакана. Он налил нам, мы сделали по глотку – и почти одновременно выплюнули содержимое на стол.

– Вода! – фыркнул Михаил.

– Блин, да это же вода! – возмутился Дик.

– Какого черта, Герц?! – вышел из себя я и в сердцах отпихнул в сторону Герца бутылку.

Хозяин бара спокойно парировал на наши внезапные выпады:

– Что за идиотские шутки, парни?

С невозмутимым видом он отпил из моего стакана – и тоже выплюнул.

– Дерьмо! – выругался он и сходил за второй бутылкой. Подойдя к нашему столу, налил в стакан, осторожно попробовал – и вновь с шумом выплюнул назад.

– Что за хрень?! Коэн, сволочь, у кого ты купил эту партию виски?

Угрожающе размахивая руками, Герц пошел разбираться с Коэном, а мы остались не солоно хлебавши. Точнее, ни в одном глазу. Перед нами стояла литровая бутылка воды.

– Вот это облом! – саданул кулаком по столу Дик.

– Не помню, чтоб меня еще когда-нибудь так прокатывали, – покрутил головой Михаил и сплюнул себе под ноги.

А я ничего не сказал. Молча опустил поломанный цветок в бутылку из-под виски. И тут случилось необъяснимое. Прямо на наших глазах цветок выпрямился, посветлел и заалел.

Мы были в шоке, не находя объяснения случившемуся.

– Святая вода! – наконец, обретя дар речи, смело предположил Михаил.

– Аспирин, – снисходительно махнул рукой Дик. – В воду кинули аспирин, вот и весь секрет.

– Оазис, – ни с того ни с сего вырвалось у меня.

Парни с недоумением уставились на меня, взглядами требуя объяснить, что я хотел этим сказать. Но не успел я открыть рот, как из-за барной стойки донесся счастливый крик Герца: – Есть! Я нашел путевое виски!

Он почти бежал к нашему столу с вытянутыми вперед руками: в одной сжимал бутылку, уже третью сегодня по счету, в другой – пустой стакан. На ходу Герц налил и протянул стакан мне: – Вот, попробуйте.

Я сделал глоток и, удовлетворенно хмыкнув «Вполне», – передал стакан Дик. Он тоже отпил и поставил стакан на стол.

– Совсем другое дело! – усмехнувшись, Дик похлопал Герца по руке. – Хорошее виски, чувак!

– Дайте-ка и мне, – сказал Михаил, поднял стакан и отпил из него. В следующее мгновение лицо приятеля перекосила гримаса отвращения. – Вода! Сговорились, да? Дурацкие у вас шутки!

– Ну-ка, – метнув на Михаила подозрительный взгляд, Герц забрал у него стакан. Сделав из него глоток, он кисло изрек: – И впрямь вода.

Я и Дик тоже снова сделали по глотку: вода! Но ведь еще минуту назад в стакане было виски!

– Это стол, – вдруг решил я.

– Что? – Михаил непонимающе посмотрел на меня.

– Стол превращает виски в воду.

– Ха-ха-ха! Кто-то жестоко пошутил над тобой, Герц! – безжалостно захохотал Дик. – Сделал обратное тому, что сделал Господь, – обратил вино в воду!

– Что за чушь ты несешь? – поморщился Михаил.

– погодите, сейчас проверим, – прервал его Герц и показал нам бутылку виски, которую продолжал удерживать в руке. Запрокинув голову, он засадил в себя из горла четвертую часть бутылки, затем, крикнув, утер рот рукой и опустил бутылку посреди стола. – Было виски... Сейчас поглядим, чем оно станет.

Мы с минуту молча подождали, уставившись на бутылку, как на нового бога, потом разлили по стаканам и также молча выпили. В стаканах была вода.

– Невероятно!

– Магия какая-то!

– Постой, как ты его назвал?

Все обратили на меня почти враждебные взгляды.

– Кого? – я машинально попятился.

– Стол, мать его! – рявкнув, напомнил Герц.

– А-а-а... Оазисом.

– О-а-зис, – по слогам повторил Герц. – Пусть будет так, – он с минуту помолчал, направив взгляд куда-то над нашими головами. Вдруг он предложил: – Знаете что? Пересаживайтесь-ка за соседний стол.

– Нет, – покрутил я головой.

– Как нет?

– Мы останемся здесь, – поддержал меня Дик. – За этим гребаным Оазисом.

– Но я не собираюсь пить воду вместо виски, – надулся Михаил и встал из-за стола. Я удержал его за руку и жестом заставил снова сесть.

– Мы будем пить виски, – твердо объявил я.

– Как?

– Вот как, – я вызывающе улыбнулся, глаза мои заблестели – наконец я ожил, забыв про свою обиженную мечту. – Герц, виски!

– Слушаюсь, сэр! – с готовностью вытянулся по стойке смирно Герц и счастливой опрометью метнулся к барной стойке.

Вскоре он принес бутылку – четвертую бутылку. Демонстративно повернувшись спиной к столу, я сделал пару глотков прямо из горлышка.

– Виски. Кто хочет?

С того дня загадочный стол, обращающий алкоголь в живительную влагу, прозвали Оазисом. Цветок в бутылке из-под виски продолжал жить и радовать глаз официанток, мы по-прежнему проводили пятничные вечера вокруг таинственного Оазиса, а вискарь хлестали, спрятав бутылку под столом.

В баре привыкли к нашему чудачеству и упрямству... Однако на этом чудеса не кончились.

Как-то в «Полонез» завалил Берроуз – Борька Зудин – известный в городе задира и забияка. Он был изрядно подшофе и прямо от порога прошел к Оазису. Стол пустовал. Как раз в ту минуту, когда Берроуз усаживался за Оазис, я слонялся по соседству в ювелирном магазине. В тот вечер мне позарез захотелось помириться со своей мечтой, и я выбирал ей дорогую безделицу. Михаил с Диком, ожидая меня, курили возле магазина. Наконец я остановил свой выбор на серебряном портсигаре с некой изюминкой внутри, расплатился за него и, выйдя из магазина, сказал, парням:

– Надо обмыть подарок. Иначе мечте не понравится.

Парни оживились, затушили окурки, и мы втроем отправились в бар.

Однако там нас ждал неприятный сюрприз: за нашим Оазисом сидел пьяный Берроуз и, стуча рукояткой пистолета по столу, требовал выпивки.

– Герц, если ты, сволочь, снова принесешь мне воды вместо виски, я пристрелю тебя, как паршивую собаку!

Герц не издавал ни звука, укрывшись в подсобке, в баре стоял жуткий гвалт, люди с опаской отступили на несколько шагов от Оазиса, но, одержимые любопытством, не уходили из бара.

– Берроуз, какого черта ты занял наш Оазис?! – возмутился я, подойдя к столу на опасно близкое расстояние.

– Пошел прочь, Керуак! – рявкнул Берроуз. Много лет назад он клеился к моей жене, с которой я только познакомился, но тогда она отшила его, выбрав меня. Теперь Берроуза было не унять, он распалялся все больше, тыча пистолетом в сторону барной стойки. – Оазис – мой! Подгони эту собаку Герца! Если он не даст мне виски, я вас всех пристрелю!

Такой исход меня совершенно не устраивал: с минуту на минуту сюда должна была приехать моя мечта, и мне вовсе не хотелось, чтоб она застала меня с разможенным черепом.

– Послушай, Берроуз, добром это не кончится... – начал было я увещевать забияку, но тут меня перебил чей-то мягкий, цепкий по-кошачьи голосок, раздавшийся вдруг за моей спиной: – Отойдите в сторонку, мальчишки!

Я обернулся: это была Ника – мечта Берроуза. Видеть эту парочку вместе было зрелищем не для слабонервных: оба темпераментные, не сдержанные в кипучих чувствах и хлестких словах, они без конца изводили друг друга ревностью и изменами.

Расталкивая толпу зевак, Ника отважно шагнула к Оазису и протянула Берроузу бутылку.

– Мечта! – вождельно муркнул громила. – Что б я без тебя делал!

Берроуз сделал несколько жадных глотков из горлышка и одобрительно хмыкнул:

– Виски!

В следующее мгновение он снова был вне себя.

– Не то, что твое пойло, Герц!

Я был крайне удивлен: Берроуз пил за столом, но Оазис почему-то не превратил виски в воду.

– Отныне я хозяин Оазиса! – брызжа слюной, горланил здоровяк. – Ха-ха-ха, сбылась моя мечта...

Едва он это сказал, как Ника, словно подкошенная, упала ему под ноги.

– Она... мертва, – пощупав девушке пульс, заключил один из таксистов, в прошлой жизни бывший врачом. Он метнулся к Нике из толпы – и мигом в ней растворился.

Тотчас все притихли и оцепенели. Мы с Диком обменялись тревожными взглядами и подумали, вероятно, об одном и том же: Оазис не только совершает чудеса, но и карает. За что карает, мы не знали.

Берроуз бросился к телу девушки, не веря ужасному диагнозу, он нещадно тряс ее тело за плечи, делал искусственное дыхание – все было напрасно, его мечта умерла...

– Керуак, это твой Оазис убил ее, – подняв на меня размытый, словно лобовое стекло под дождем, взгляд, неожиданно трезво произнес Берроуз. – Я требую сатисфакции. Где твоя мечта, Керуак?

– Я здесь.

При этих словах я невольно вздрогнул, но вместо того чтобы обернуться, втянул голову в плечи.

Так же внезапно, как десять минут назад голос Ники, позади меня сейчас раздался голос моей Юти.

– Что ты здесь делаешь? – опешил я.

– Как? Ты же сам позвонил, пригласил меня сюда.

Ну да, как я мог забыть, ведь я сегодня хотел помириться со своей мечтой и позвал ее в «Полонез». Я поцеловал Юти и сунул ей в руку подарок.

– Хватит там лизаться! Садись рядом, Керуак, – приказал Берроуз. – Мы будем пить виски.

Я не любил, когда мне приказывают, но все же согласился сесть за Оазис напротив Берроуза. Он передал мне бутылку, я отпил из нее, проглотив – воду.

– Ну что? – напрягся Берроуз и скосил подозрительный взгляд в сторону моей мечты – она была жива.

– Вода, – честно признался я.

– Как вода?! – не поверил Берроуз, порывисто отнял у меня бутылку и опрокинул себе в горло. – Виски, мать твою!

Я со спокойным видом снова взял бутылку, наполнил на треть стакан и, не пробуя, протянул его Берроузу. Он отпил и поморщился.

– Вода... И вправду вода. Керуак, ты – колдун.

– Это все Оазис, я тут ни при чем, – пожал я плечами.

– Оазис?!.. Ты нарочно подсунил его мне, чтоб убить мою мечту. Я не уйду отсюда, пока не убью твою! – зарычал Берроуз.

Он наставил пистолет на голову Юти и зловеще усмехнулся:

– Пускай теперь она сядет, выпьет со мной виски!

Берроуз перевел на меня пистолет, и мне не оставалось ничего другого, как уступить место за Оазисом своей мечте.

Юти заметно нервничала, теребя в руке крохотную серебряную коробочку.

– Что это у тебя? – Берроуз впился глазами в мой подарок.

– Портсигар.

– Дай сюда!

Берроуз торопливо открыл портсигар – в нем лежал длинный изумрудный мундштук в золотой оправе.

– Ты куришь? – он вскинул на Юти изумленный взгляд.

Да, моя мечта курила. В отличие от моей бывшей жены, на дух не переносившей запаха табака.

– Я оставляю эту вещь у себя. Пока не разберусь с тобой или с ним, – сказал Берроуз, кивнув в мою сторону.

Он спрятал портсигар за пазухой и пододвинул бутылку моей мечте. Дрожащей рукой Юти налила в стакан – жидкость была прозрачного цвета.

– Можешь не пить! – побагровел Берроуз. – Вон! Пошла прочь!

И тут же, без перехода, он заорал своим помощникам:

– Тащите сюда Елену! Уж она-то наверняка поможет мне расквитаться с ее бывшим муженьком!

Елену привезли спустя четверть часа. Войдя в бар, она отыскала взглядом сначала меня, затем мою мечту, но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Елена была невозмутима, собрана, печальна, но как всегда прекрасна – казалось, она давно знала об этом происшествии и готовилась к нему заранее.

– Елена, ты должна помочь мне убить Керуака. Или его мечту, – зло произнес Берроуз, когда она села за Оазис. – Пей!

– Принесите мне чистый стакан! – потребовала Елена. – Я не стану пить из посуды мечты моего мужа.

Она не сказала «бывшего», и меня это насторожило.

Герц принес стакан, поставил его перед Еленой и, поклонившись, хотел было уйти, как Елена жестко его остановила:

– Стоять! Герц, ты разучился ухаживать за дамами?

От этих слов лицо Герца сильно побледнело, он снова поклонился и, что-то виновато бурча, на четверть наполнил стакан. Жидкость в нем была ячменного, золотистого цвета.

– Виски! – непроизвольно вырвалось у Берроуза, а Герц в смятении мигом отпрянул прочь.

Елена промолчала, и вновь ни одна жилка не дрогнула на ее лице.

Она медленно поднесла стакан к губам – и вдруг выплеснула его содержимое в лицо Берроузу.

– Сука! – вскрикнул он и от неожиданности прижал руки к глазам, разьедаемым виски.

Елена тотчас схватила пистолет, лежавший без присмотра на столе, и выстрелила в Берроуза.

С тонким, едва слышным звоном, будто в нем лопнула часовая пружина, он повалился под стол. Вокруг неподвижного Берроуза забегали, засуетились двое его помощников.

– Зачем ты это сделала?! – как сумасшедший, я заорал на Елену.

– Я не хотела рисковать, – просто ответила она. Затем плеснула себе в стакан виски и залпом выпила.

В тот вечер никто не умер в баре «Полонез» – ни человек, ни мечта.

Ника, мечта Берроуза, ожив, а точнее, перестав притворяться мертвой, бросилась к возлюбленному. Обливаясь слезами, она просила у него прощения, лепетала что-то о том, что хотела проверить его любовь...

Придя в себя от болевого шока, немного позже очнулся и Берроуз. Кряхтя и чертыхаясь, он о чем-то жалобно бубнил, горячо откликаясь на поцелуи своей мечты. От неминуемой смерти Берроуза спас серебряный портсигар, который он отнял у моей Юти, – пробив крышку, пуля застряла в изумрудном мундштуке, расколов его на две неравные части...

Зато утром завял цветок, стоявший в бутылке из-под виски, а виски перестало превращаться в воду. Даже в моих руках. Оазис умер, став банальным столом.

Наверное, исполнилась чья-то мечта. Но не моя – моя по-прежнему была рядом со мной.

Собиратель спичек

Михаил бросил курить в одночасье. Перестал покупать сигареты, а спички неожиданно возненавидел. Кто-то ненавидит своих подруг, соседей, боссов, депутатов парламента, президента страны – а Михаил возненавидел деревянные спички. На какое-то время, конечно, не навсегда.

Когда он рассказал мне и Дику свою историю, мы поначалу мало что поняли из его сбивчивых слов. Но, засев в баре «Полонез», пили беспробудно почти два дня кряду. Потому что если нельзя разделить чье-то горе, то его можно хотя бы залить алкоголем.

История же Михаила такова.

Год и два месяца тому назад он вдруг женился. Его избранницей стала 21-летняя Мари. Она была индианкой, родом из племени оджибве. Она досталась Михаилу с маленьким, но ярким приданным: черной косой, синими глазами и горшком с каким-то экзотическим растением, которое она называла не то «хара», не то «хура».

– Это стреляющее дерево. Слыхал про такое? – Мари шутливо нацелила на молодого мужа горшок с неизвестным цветком и, сложив губки бантиком, весело пыхнула: «Пуф-ф!». При этом у нее была такая обворожительная улыбка, что Михаил тут же затащил ее в постель.

Михаил женился – и выпал из нашей обоймы. Он перестал навещать в «Полонез», с головой окунувшись в семейные заботы. Через год и месяц после женитьбы он стал отцом. Счастливый Мишка назвал сына ласково – Семой. А еще через месяц наш приятель вдруг ужасно овдовел и потерял ребенка.

Вот именно тогда он бросил курить, а спички стал воспринимать чуть ли не как классового врага. «У Мишки от горя крыша поехала», – говорил Дик. У любого из нас, наверное, поехала бы крыша от того, что пришлось тогда пережить Михаилу.

Надо сказать, что Мари у него была девушкой странной и неуравновешенной. Одной из ее примечательных качеств была страсть сжигать свои неудавшиеся мечты. Она могла потратить не один час на поиски их, испуганно забившихся под железную кровать, прикинувшихся паутиной в углу или ставших холодным отражением в зеркале, – но Мари разыскивала их в итоге и, переведя полкоробка спичек, сжигала прожитые мечты, как комки бумаги, в которых были смяты пустые или постыдные мысли.

В тот день Мари просила его не оставлять ее одну с малышом. Покусывая кончик косы, она предупредила, что он может больше ее не увидеть, если покинет ее. Но Михаил не слушал жену и упрямо собирался. В тот вечер ему предстояло заступить на двойное дежурство: вначале он должен был отъездить свою смену, затем отработать сутки за напарника. Когда Михаил, уставший, приехал со вторых суток, пожарники уже потушили его скромную квартирку. Мари и месячного Семы не нашли – ни живых, ни мертвых. Они, будто неугодные мечты Мари, исчезли в раскаленном от пожара воздухе. Не тронутыми пламенем оказались лишь с полдюжины глиняных горшков с домашними цветами, эмалированная ванночка, в которой купали Сему, и коробка спичек – практически полная.

Спички размокли. Они плавали в ванночке, точно семена неведомого цветка. На дне ванночки лежал расколотый пополам горшок, из которого еще совсем недавно тянулся к свету неприглядный колючий росток хуры, любимое зеленое чадо Мари, – однако самого растения нигде не было видно.

Подавленный горем, Михаил запер квартиру и поехал к Дику, который предоставил ему свой холостяцкий кров и согласился разделить беду за бутылкой-другой виски.

Когда спустя неделю Михаил вернулся, он не узнал свой дом. В нем стояла нестерпимая, почти тропическая жара, воздух был насыщен незнакомыми, одновременно резкими и дурманящими голову испарениями. Чужие запахи заставили Михаила быть осторожным. К сво-

ему удивлению, он не обнаружил в квартире следов недавнего пожара, как не нашел и привычных предметов. Кроме ванночки Семы – она по-прежнему была на месте, в ванной комнате. Но вместо осколков цветочного горшка и спичек в ней плавали какие-то совсем крохотные деревца. «Сажены в моем доме, – подивился Михаил. – Откуда они тут взялись?»

Он собрал сажены в охапку и отвез в ближайший ботанический магазин. Возле входа в магазин замер старик в лохмотьях – такие, как он, никогда не садились Михаилу в такси.

– Продай мне одно деревце, – попросил старик, едва взглянув на сажены.

– Да хоть все забирай! – нервно отозвался Михаил – ему не терпелось как можно скорей избавиться от странных деревьев.

– Все не надо. Я возьму лишь вот это.

Старик выбрал саженец, а взамен протянул Михаилу спичку.

– Что это? Зачем?! – опешив, вспыхнул парень. – У меня, что ли, спичек нет?

– Нет, – твердо сказал старик. – Запомни на будущее, сынок: не смей брать за сажены деньги.

Потом добавил такое, что Михаил долго не мог взять в толк:

– Но непременно расплачивайся деньгами за то, что и без того идет тебе в руки. Ведь есть вещи, сынок, которые лучше купить, нежели получить задарма.

Прощаясь, старик сказал совсем уж странное:

– Прощевай и помни: слушаешь меня, тогда, может быть, вернешь то, о чем горюешь и ищешь.

Откуда он знает про мое горе, удивился Михаил, но спичку взял. А за остальные деревца, которые принес в магазин, не взял ничего.

– Какие у вас интересные сорта, никогда таких не встречал, – удивился хозяин магазина. Потом, после того как незнакомый ему поставщик отказался брать деньги, спросил с еще большим изумлением: – Вы, видно, занимаетесь благотворительностью?

– Да, – только и мог ответить Михаил.

Приехав домой, он с головы до ног оглядел себя и остался крайне недоволен. Он здорово перепачкался, пока отвозил сажены. Михаил снял с себя брюки и рубашку и прополоскал их в детской ванночке – во время пожара пластиковые водопроводные трубы поплавились, и Михаилу приходилось экономить каждую каплю воды.

В какой-то момент он вспомнил, что в кармане брюк осталась лежать спичка, которую дал ему старик. Одной спичкой больше, одной – меньше. Однако не успел Михаил об этом подумать, как увидел нечто, что несказанно поразило его. Прямо на его глазах тонкий острый прут, неведомо как взявшийся в детской ванночке, насквозь проткнул вначале его брюки, затем рубашку, а под конец опушился зелеными клейкими почками. И только тогда до Михаила дошло, что зеленый прут есть не что иное, как спичка, забытая им в кармане брюк.

Михаил сейчас и не вспомнит, какая сумасбродная мысль подвигла его покупать спички. Вначале он покупал целые, с серными головками на конце, но однажды перешел на горелые. Все в той же ванночке сына он превращал горелые спички в молодые здоровые деревца. А потом отвозил их в ботанический магазин.

Он покупал горелые спички у людей небогатых, нередко откровенно бедных, встречаясь с ними на перекрестках оживленных улиц, в городских трущобах, запущенных аллеях, у черных входов в супермаркеты и рестораны...

– Зачем тебе, чудака, это надо? – не скрывая своего превосходства, спрашивали Михаила нищие. Он на это неизменно отвечал: – Такая у меня миссия.

– Какая?

– Я возрождаю загубленные леса.

Глядя на него, люди крутили пальцем у виска и сносили ему мешки горелых спичек. А почему бы и не приносить, если собиратель спичек – так прозвали его в городе – платил за них пусть и не большие, но деньги.

Вскоре деньги у Михаила кончились. А он не хотел и не мог останавливаться на полпути. Да, он чувствовал все крепче, что путь к его мечте и надежде еще не завершён – его путь в самом разгаре.

Тогда он поначалу тайком и стыдясь, но совсем скоро в открытую и наплевав на свою гордость стал собирать спички где ни попадя: на тротуарах и мостовых, возле домов и магазинов, в мусорных баках и урнах... Однако так же быстро он убедился, что проку от этих спичек не было ровным счетом никакого. Как были горелые спички уличным мусором, таким же мусором они оставались даже в магической ванночке, не желавшей превращать их ни во что путное.

Вспомнил тогда Михаил напутствие чудаковатого старика: «Есть вещи, сынок, которые лучше купить, нежели получить задарма» – и, как одержимый, кинулся на поиски денег.

Он занял их у Чирра. Чирра был бандитом, держал несколько полулегальных бизнесов и не брезговал ссужать деньгами под грабительские проценты. Михаилу было все равно, какие были проценты по кредитам, которых он набрал у Чирра, потому как заранее твердо знал, что возвращать долг не станет.

Когда же все-таки этот день настал и Чирра приехал выбивать из него долг, Михаил с порога честно признался, что денег у него нет. Чирра с плеча ударил его бейсбольной битой, но вместо Мишкиной головы удар принял дверной косяк, отчего несокрушимая бандитская бита заметно треснула.

– Гляди-ка, промахнулся. Никогда со мной такого не было, – изумился по-детски Чирра. Теперь уже беззлобно встряхнув за плечи Михаила, он с наивной доверчивостью заглянул ему в глаза. – Говорят, ты колдуном заделался. Покажи, как ты шаманишь.

Ни слова не говоря, Михаил провел бандита в ванную комнату – она была столь крохотной, что двое мужчин в ней едва поместились. Михаил высыпал в детскую ванночку мешок горелых спичек, накануне купленных на бандитские деньги, и замер в ожидании.

– Хрень какая-то! – с минуту тупо поглядев на спички, плававшие в воде, выругался Чирра. Он плюнул в ванночку и, почти не размахиваясь, саданул Мишку битой по голове.

Ванная была такой тесной, а потолок – низким, что, чиркнув треснувшей битой о потолок, Чирра отбил у нее кончик.

Сраженный ударом, Михаил упал как подкошенный.

– Хренов колдун! – Чирра пнул его носком ботинка. – Через неделю снова приду. Попробуй только не собрать денег – убью!

Чирра швырнул биту в ванночку и ушел.

Придя в себя, разрываемый дикой головной болью, растирая по лицу потеки крови, Михаил открыл глаза – и первое, что увидел, был обломок биты, валявшийся под ванночкой, а возле него – засохший росток хуры. Михаил не удивился находке, лишь пожалел, что поздно отыскал любимое растение Мари.

Гораздо сильнее его воображение потряс необыкновенный предмет, погруженный в ванночку. Нечто громоздкое и не подлежащее простому определению плавало, точно броненосец, среди тонких изящных саженцев – горелые спички тотчас волшебным образом преобразились, стоило бандиту Чирра отвести от них свой мутный, нечистый взгляд.

Этим необычайным предметом было то, во что превратилась бита, – ни дерево и не камень. Без малейших признаков жизни. Михаил с опаской вытащил из ванночки объект ее таинственного превращения, а вместо него опустил в воду сухой росток хуры, а за ним, чуть помедлив, и обломок биты.

По обыкновению Михаил отвез странное творение в ботанический магазин, но там фантастического уродца не приняли, объяснив, что не занимаются геологическими скульптурами (так они называли каменное дерево) и посоветовали обратиться в галерею современного искусства.

В галерее жуткое дерево произвело на ее владельцев сильное впечатление, они сразу же предложили Михаилу хорошие деньги – и он впервые не отказался от них.

На малую часть выручки от каменного дерева он купил несколько мешков горелых спичек. Он доставил их домой и все сразу высыпал в ванночку.

Михаилу нужно было отлучиться по каким-то делам, а когда он снова вошел в ванную комнату, то не обнаружил в ванночке ни спичек, ни деревьев. Необъяснимым образом исчез и росток хуры. Лишь обломок биты покоился в воде. Он заметно увеличился в размерах, округлился, покрылся колючками и стал похож на неведомый живой организм.

Казалось, таинственное создание проглотило в себя все, что до этого плавало вокруг него. Оно имело столь отвратительный, даже пугающий вид, что у Михаила не возникло ни малейшего желания везти жуткую метаморфозу ни в магазин, ни в галерею. Да у него и не было на это никакой возможности. Пока он, потрясенный, разглядывал колючий уродливый шар, люди Чирра вышибли входную дверь, а сам Чирра, влетев в его квартиру, даже не заговорив о деньгах, с ходу приставил пистолет ко лбу Михаила.

– Знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?! – остервенело брызгал слюной Чирра. – Ведь ты мог иметь деньги всегда, так?! Ты ведь не деньги презрел, ты меня презрел, гаденыш!

С этими словами он отвел пистолет от Мишкиной головы и, острастки ради, выстрелил в бывший обломок биты, плававший в ванночке.

Ни Чирра, ни Михаил не могли знать, во что превратился тот самый обломок, что поглотил в себя росток хуры и тысячи спичек. Приняв теперь в себя пулю, эта странная штука буквально взорвалась, выпустив наружу с умопомрачительной скоростью тысячи семян-колючек.

«Гляди-ка, а оно живое», – промелькнуло в Мишкиной голове, еще не успевшей позабыть холодное прикосновение пистолета.

Ни одно из ужасных семян даже не коснулось лица, тела и рук Михаила – все до единого воткнулось в Чирра. Колючки сочились от яда хуры, оттого Чирра умер в одно мгновение.

Михаил отдал его тело опешившим охранникам и выставил их за порог.

А вечером вернулась Мари с Семей на руках. Не поздоровавшись, она сразу предупредила Михаила, чтобы тот даже не пытался добиваться от нее раскаяния. И это несмотря на то, что их дом подожгла она, Мари – его жена... Она была так возбуждена и увлечена собственной правдой, что, не задумываясь, решила искупать Сему. Михаил попытался встать у нее на пути, но она приставила к его лбу пистолет – прямо как Чирра несколько часов назад – и вынудила отойти в сторону. С упоением, отшвырнув пистолет, Мари опустила в ванночку малыша. В следующий миг на его розовом темени закрубились, завихрились, точно морские водоросли, мягкий золотой волос...

Большую часть денег, оставшихся от продажи дерева-биты, Михаил, как настоящий мужик, скрыл от жены и спустил в «Полонезе». Когда, сидя в баре, я и Дик слушали, как Михаил упоенно рассказывает эту историю, мы лишь молча посмеивались. Виски кончились, но пить больше не хотелось. Поэтому, переглянувшись с Диком, мы протянули Михаилу две горелых спички. Посмотрим, что он на это скажет.

Бабочка Дика

В саду порхали красно-фиолетовые бабочки.

Дик вышел в сад, чтобы накопать земли для цветка. Остановившись возле старой покосившейся абрикосы, Дик вынул из-за голенища сапога широкий охотничий нож и, воткнув его в землю, принялся копать. Поглядывая на красивых бабочек, безмятежно круживших над его головой, он насыпал землю в маленькое пластмассовое ведро.

Земля нужна была для цветка, который Дик купил своей новой мечте. Он хотел привязать ее к себе покрепче – еще незнакомую ему мечту, поэтому задумал подарить ей комнатный цветок. Дик копал с воодушевлением и веселым напором. Земля, как и весь сад, была очень старой. Намного старше Дика, и тот чувствовал эту разницу в возрасте, вдыхая влажный, прелый запах земли... Раз – и нож едва не рассек что-то белое и продолговатое, совсем крошечное – размером всего с четверть мизинца Дика. Он нагнулся, чтобы ближе рассмотреть находку. Это был кокон. Дик положил кокон сверху в ведро с землей и зашагал домой.

Дик держал дома скворца, ему и хотел скормить кокон. Однако сделать это ему помешало неожиданное открытие: кокон вот-вот должен был раскрыться. Лежа сверху на комьях земли, он вдруг стал сжиматься и снова разжиматься, вздрагивать и изгибаться, словно стараясь скинуть с себя шелковистую оболочку, закрывавшую его со всех сторон. Завороженный необычным зрелищем, Дик решил дождаться появления бабочки. Но этого не случилось. Дернувшись еще пару раз, кокон замер, больше не проявляя никаких признаков жизни. Это насторожило Дика. Может, бабочка умерла, подумал он. Дик взял нож, которым копал в саду, и легким быстрым касанием прошелся вдоль кокона. В месте разреза выступила мутная водица, кокон начал морщиться и наконец распался, и из него выпала бабочка – красно-фиолетовая, такая же, как те, что летали в саду.

Новорожденная неподвижно лежала на полу, не шевеля крылышками и даже не пытаясь взлететь. Дик осторожно коснулся ее двумя пальцами – бабочка не шелохнулась, лишь едва-едва повела усиками. Ага, жива, обрадовался Дик. Он закурил и распахнул настежь окно в комнате. Вместе со свежим воздухом из сада влетела стайка бабочек. Они стали тревожно кружить над несчастной подружкой. Вместо того чтобы вспорхнуть и присоединиться к крылатым гостям, та вдруг стала скукоживаться и чахнуть прямо на глазах Дика.

– Эй, а ну пошли вон! – крикнул он и принялся отгонять назойливых бабочек от новорожденной. – Вы сейчас ее совсем заморите!

Бабочки улетели, выпорхнув в открытое окно, а та, кого он насильно вытащил из кокона, осталась. Преждевременные роды, пронеслось в голове Дика. Видимо, бабочка недоразвитая. Может, все-таки скормить ее Чезу? Дик поднес бабочку к клетке, где дремал сытый скворец – перед ним стояло блюдо с почти нетронутым кормом. Однако стоило Дику только приоткрыть дверцу, как бабочка внезапно затрепыхалась в его пальцах.

– Да ты какая-то контуженная! – машинально отдернув руку, он разжал пальцы – бабочка беспомощно упала на пол. Глядя на нее, Дик подумал странную вещь: – Слушай, а может, ты просто-напросто голодная?

Он снова открыл дверцу клетки, взял из нее блюдо с кормом и поставил его перед бабочкой.

Тотчас ее крошечное тельце пронзили конвульсии, бабочку затрясло, словно в лихорадке, она стала изгибаться всем телом – и вдруг оказалась возле самого блюда. Утопив усики в корме, она жадно накинулась на еду. Дик был вне себя от происходящего, он не знал, то ли ему кричать от восторга, то ли звать на помощь пожарников. Почему именно их, в ту минуту он вряд ли мог объяснить. Дик был в шоке от того, что бабочка ела птичий корм.

Через два дня она заметно растолстела и увеличилась в размерах – но так и не научилась летать. Дик мало-помалу привык к бабочке, а она к нему. Она узнавала его, вероятно, по теплу, которое излучало его тело. Скворец подозрительно таращился из клетки на бабочку, а та как ни в чем не бывало уминала его еду.

Я с Михаилом узнал об этой бабочке, когда Дик впервые пришел с ней в «Полонез». Прихлебывая виски, мы вдвоем смотрели футбол, который показывали по телевизору, висевшему слева от барной стойки, практически напротив нашего столика. Дик присоединился к нам немного позже. Он не любил футбол и, в знак протеста заслонив собой телевизор, не захотел снимать кепку. Вот тогда мы и увидели Берти – так Дик назвал свою бабочку. Она сидела на его кепке, уставившись на нас живыми, как ртуть, глазенками. Это было настоящее чудовище! Жирное, с толстым телом, лоснящимся от полупрозрачной слизи, но с очень красивыми крыльями. Дик насыпал на стол горстку крошек и, сняв с кепки бабочку, посадил ее рядом с крошками. Вдруг бабочка принялась все это жрать!

Затем Дик взял у меня стакан с виски и капнул из него на стол – Берти стала пить виски.

– Убери ее, – насупившись, потребовал Михаил. – Иначе я ее прихлопну.

– Не прихлопнешь, – уверенно покрутил головой Дик. Отодвинувшись от стола так, чтобы с наших мест снова можно было смотреть телевизор, добавил: – Берти, как безумная, любит футбол.

И точно: бабочка повернулась в сторону телевизора и замерла, поводя туда-сюда выпуклыми бусинками глаз.

– Прикольно, – усмехнувшись, обронил я.

Неожиданно трансляция игры прервалась, и начался экстренный выпуск новостей: камера выхватила кусочек центральной площади, где люди в шлемах и со щитами теснили наседавшую на них толпу.

– Стачка! Стачка! – бар немедленно загудел, как улей. – Чего мы здесь сидим?! Пошли и мы на стачку!

Бар мигом опустел. Михаил убежал вместе со всеми, остались лишь мы с Диком.

– А ты? – спросил я у Дика, продолжавшего смотреть новости.

– Я бы туда не пошел, – нехотя отведя взгляд от экрана, признался он. – Но она хочет.

Он показал на бабочку – ее тельце дергалось от судорог, глазки вспучились и грозили вот-вот лопнуть.

– Понимаешь, я перед ней в долгу: я не утерпел и раньше времени достал ее из чертового кокона.

– Ну и что? – не понял я.

– Как что? Она родилась недоношенной, поэтому не способна летать. Я кормлю ее и стараюсь всячески ублажать.

– У тебя крыша поехала, Дик, – я покрутил пальцем у виска.

– Нет, просто у меня, кроме скворца, никогда больше никого не было. Даже настоящей мечты... А тут – бабочка, которая ест птичий корм и любит телек. Согласись, такое не каждый день бывает.

– Да, но...

– Я пойду с ней на стачку! – Дик стукнул пустым стаканом по столу, посадил Берту на кепку, нахлобучил ее на голову и направился к выходу.

– Но это же опасно! – крикнул я ему вдогонку – сам я решил не идти на стачку. Потому что никогда не любил массовые скопления людей – митинги, демонстрации, стачки и т. д.

На полпути Дик неожиданно вернулся, я невероятно обрадовался – неужели он услышал меня?

Он протянул мне большой охотничий нож.

– Спрячь... От греха подальше...

И ушел из бара.

О том, что произошло на площади, где столкнулись бастующие и полиция, позже рассказал мне Михаил. Вдруг в центре людской круговерти оказался Дик. Он отчаянно жестикулировал, призывал к примирению, но рев стоял такой, что были слышны лишь обрывки его слов. Дика начали бить – вначале свои, а потом полиция. Кто-то заехал ему по голове и всмятку раздавил бабочку. Никто не знает, что она пережила до этого, очутившись в людском месиве, глядя сверху на остервенелых людей, чью сторону приняла – бастующих или полиции. Но после одного-единственного удара бабочка превратилась в мокрое пятно.

Бастующих с площади никто не разгонял – они как-то сами собой рассеялись, рассосались, словно им дали команду извне. А Дик еще часа два стоял один посреди пустой грязной площади. На его голове медленно подсыхала кепка, на которой раздавили бабочку. Сочувствуя другу, Михаил хотел было провести его домой, но Дик грубо послал его подальше и не двинулся с места.

Когда он наконец вернулся домой, то застал у себя новую бабочку. Как ни в чем не бывало, она порхала по комнате, кружила над клеткой и даже, кажется, заигрывала со скворцом, дразня его взмахами красно-фиолетовых крылышек. Заметив Дика, бабочка доверчиво села ему на плечо. Но тот, чуть поморщившись, взял ее за крылья, просунул в клетку и скормил скворцу. А потом, без всякой паузы, выкинул в окно цветок, для которого копал землю.

Ведь Дик так и не встретился со своей новой мечтой. Несколькими днями позже я узнал – не от него, а от совершенно посторонних людей, – что его мечта сгинула в тот же день, когда в гуще стачки погибла и его любимая бабочка.

Грибной оракул

1

Пора рассказать о нашем баре «Полонез». Он находится в центре Сумска, у подножия старинного вала, построенного почти четыре сотни лет назад теми отчаянными людьми, которые и заложили наш город. На месте бара чего только раньше не было! Ювелирный салон, банк, магазин одежды, комиссионка... и кафе. Обычное кафе, в котором днем можно было перекусить на скорую руку, а вечером, когда кафе из забегаловки превращалось в более-менее сносный ресторан, в него можно было прийти с подружкой и потанцевать под живую музыку... Давно это было. Видно, Герц, владелец бара, по известным лишь ему соображениям решил вернуться к истокам и после всех пертурбаций, происшедших с этим помещением, вновь открыл в нем заведение, где люди могут поесть и провести свой досуг. Возможно, в память о Хонхе, владевшем тем первым кафе, – по молодости заядлом кларнетисте, Герц дал своему бару музыкальное имя – «Полонез».

Не без усмешки приходится признать, что название не определило судьбу бара. Большинство его завсегдатаев далеки от музыки и вообще от мира искусства и понятия не имеют, что означает слово «Полонез». Этих людей не в чем упрекнуть, они такие, как есть, и валят в бар не за высокими вибрациями, а чтобы напиться и убить время. Основу разношерстной публики составляют таксисты, такие как Михаил, Дик и я.

Само собой, люди побогаче, кто разным способом сумел устроить свою жизнь в Сумске, предпочитали рестораны и бары покруче, а главное, защищеннее. Смекалистые рестораторы стали строить их в зажиточных городских районах, где полно полицейских и переодетых в штатское охранников. Там же открывались престижные бутики, салоны и гастрономы, где продавались исключительно экологически чистые продукты. Который год у богатеньких не проходил бум здорового образа жизни; местные миллионеры и власти предержавшие были одержимы идеей долгой, чуть ли не вечной жизни и ради нее были готовы на поступки, которые простому человеку не понять.

Такие, как я, селились в гетто. В моем доме не было календаря, потому что день завтрашний обещал быть абсолютно таким же, как вчерашний. Я по-прежнему смотрел телевизор и варил борщ из мяса и капусты, купленных в маркете для бедных; я выбирал дешевый алкоголь и делал многое из того, от чего воротит нос богач. Зато я был чертовски счастлив! Ведь у меня была мечта, юная мечта. Ее звали Юти, она жила со мной вот уже год и два месяца. А еще в моей убогой квартирке жила кошка по имени Фильчи. Кошка была ужасно рассеянной и неуравновешенной, как вечный подросток. Она презирала мышей, рыбу и сметану, вообще не любила есть, а если и ела, то лишь для того, чтобы досадить нашему воображению. Да, Фильчи была странной, экзальтированной кошкой, предпочитавшей кошачьим консервам свежие огурцы, медовую пастилу и маринованные персики. Возможно, она согласилась бы сожрать еще какой-нибудь деликатес, от которого нормального кота воротит, к примеру, жареные грибы или соленые фисташки к пиву, но мы с Юти не решались проводить над ней эксперименты бесконечно.

Фильчи нелепо не только питалась, но и жила. У нее абсолютно отсутствовал инстинкт самосохранения, не было ни малейших привязанностей и привычек. Прямо как у людей XXI века. Кошка регулярно вываливалась из окна нашей квартиры, частенько попадала под колеса авто, безропотно сносила побои соседей, травилась на улице какой-то дрянью – а потом отряхивалась, выкочуривалась, оживала и продолжала мурлыкать дальше: тихо-тихо, как часы на кухне. Глядя кошку, я ясно понимал, что конец света наступит сразу же, как она умрет.

Сумск – город, в котором жили я, моя мечта, моя кошка, мои друзья и много незнакомых мне людей, ничем не отличался от подобных ему городов. Сорты (люди, имеющие свой бизнес), биджи (чиновники и политики разных мастей и рангов), трины (люди, которые каждый день исправно ходят на работу), таксисты, шпана, шлюхи и художники – все, как везде. Жизнь в нашем городе серая, однообразная, даже громкие преступления случаются здесь крайне редко. Последнее, кстати, произошло неделю назад. А за десять дней до него с разницей всего лишь в несколько часов случились два первых – и тут же Сумск облетела жуткая весть: в городе объявился маньяк!

Неизвестно, насиловал ли он своих жертв, но доподлинным фактом стало то, что преступник съедал их. Поговаривали, что во всех трех случаях в мусорных баках были найдены скелеты с обглоданными костями. Следователи ломали голову, кто мог решиться на такое бесчеловечное преступление, но еще больше диву давались оттого, что от костей недвусмысленно пахло хорошим соевым соусом и французской горчицей.

Несмотря на то что обе находки были сделаны в престижном районе города, переполох случился не там, а у нас, в гетто. Люди стали вооружаться стальными прутами, битами, ножами... Я купил своей мечте пистолет, Юти записалась на курсы по стрельбе, а сам я, как ни в чем не бывало, продолжал пить виски.

2

Однажды Дик предложил мне сделать оберег-тату. К тому времени он уже полтора месяца как занимался эзотерическими тату и мог выколоть татуировку на все случаи жизни: от сглаза, порчи, аварии, депрессии, для приворота, новых знакомств и т. д. О защитных, охранительных свойствах эзотату (так еще называли этот сакральный вид татуировок) в те дни писали все местные газеты.

– Понимаешь, нательный крест и чеснок больше не помогают. Только тату, – уговаривал меня Дик. – Я выколю тебе солнечный гриб, и он спасет тебя от каннибала, – с серьезной миной на лице поклялся он.

С этими словами Дик закатал рубашку на своей левой руке и показал татуировку, нанесенную на предплечье.

– Это, что ли, солнечный гриб? – усмехнулся я – мне плевать было на каннибала. Но тут я вспомнил, что Юти любит мужчин с татуировками, и согласился.

Я пришел к Дику домой, где он неофициально держал небольшой салон. Даже не салон, а так – татутамбур, как называли его друзья и редкие отважившиеся на татуировку клиенты. Дик работал дедовскими методами, нанося рисунки иглой и не признавая никаких лазерных машинок. Чернилами он тоже пользовался какими-то доисторическими, выискивая их в таежных магазинчиках, где торговали разной рухлядью, замшелым винтажом и ошметками старого времени, от которых до сих пор притягательно пахло неподдельной жизнью.

Дик налил нам по стакану виски, я осушил свой до дна, а Дик – на две трети. Он вылил остатки виски на носовой платок, которым минуту назад стряхнул со стола обеденные крошки, и стал протирать им мне правую руку в районе предплечья.

– погоди, ты ничего не перепутал? – не удержавшись, остановил я приятеля. – Ведь у тебя тату на левой руке.

– Вот именно, – с глубокомысленным видом кивнул Дик, отвинчивая крышку на баночке с чернилами. – Керуак, ты будешь моим зеркальным отражением... Или я твоим – там видно будет. Вот черт!

Он обнаружил, что баночка пуста.

– Что за хрень, чернила кончились!? Их же было здесь до фига!.. Ладно, посиди тут, но не вздумай свалить, – Дик подбадривающее похлопал меня по плечу. – Я мигом смотаюсь, здесь рядом...

Его не было больше часа. Мне не оставалось ничего другого, как допить виски. Дик вернулся обескураженный, с непонимающим выражением на лице.

– Странно все это... Стоит два дня не выходить из дома – и город не узнать. Одни магазины закрывают, другие открывают...

– Ты не купил краску? – обрадованным тоном спросил я: пока я ждал Дика, мне перехотелось делать татуировку.

– Почему же не купил? – вновь обрел уверенность Дик. Он полез в карман и вынул флакон – другой формы и с другой этикеткой, нежели тот, в котором кончились чернила.

– Это, правда, несколько не то, что я хотел, но тоже сойдет.

– Слышишь, парень, а ты не угробишь меня этой своей... – почуяв неладное, я стал пятиться к выходу. Но Дик цепко схватил меня за руку и, стремительно макая иглу в чернила, на несколько минут превратился в архаичного художника. Я окаменел: на моих глазах рождалась причудливая накожная живопись.

На самом деле тату получилось банальным, откровенно говоря – убогим.

– Это и есть твой солнечный гриб? – не скрывая своего недовольства, фыркнул я. – По моему, эта фигня больше похожа на ядерный гриб!

– Много ты понимаешь, – снисходительно хмыкнул Дик. Он откупорил вторую бутылку виски, разлил по стаканам и протянул причитающуюся мне порцию. – Надо обмыть... погоди, скоро ты убедишься в магической силе этого гриба.

Не помню, как я вернулся домой. Не столько пьяный, сколько оглушенный тяжелыми, будто будущее похмелье, предчувствиями, я повалился спать. Посреди ночи на руке, где была выколота татуировка, неожиданно нарвало, у меня поднялась температура, начался сильный жар – а на утро у меня вырос гриб. При этом не возникло ни малейших сомнений, что дрянь, которая невесть каким образом выросла на моем теле, была грибом. «Ну, Дик, сволочь, какой же отравой ты меня заразил?!» – я пришел в бешенство и одновременно здорово струхнул. Да, я был ошеломлен и подавлен, не готовый к таким сюрпризам судьбы. Правда, после того как я заставил себя рассмотреть гриб, я немного успокоился. Гриб не вызывал опасности, напротив, казался жалким и уязвимым, явно против воли своей выросшим на моем теле; он словно от чего-то защищался: его шапка была растопырена и нелепо изогнута краями вверх, точно перчатка, готовая вот-вот принять удар бейсбольного мяча, от которого, она знала заранее, ей не устоять.

Внутри гриба, на дне его вычурной шляпки, краснела жидкость, похожая на кровь. Содрогнувшись от отвращения, я попытался вылить ее в кухонную мойку – куда там! Содержимое гриба оказалось вовсе не жидкостью, а чем-то вроде пасты или слизи – таким же густым и вязким. Эта штуковина буквально въелась в мой гриб, точно красная пиявка, и ни за что не желала с ним расставаться. Тряхнув еще пару раз рукой, я вдруг макнул палец в неизвестное вещество, обосновавшееся в шляпке гриба, и поднес к носу – на удивление пахло очень хорошо. Аппетитно! Не поверите – пахло смородиновым вареньем. Не удержавшись, я облизнул палец – с этого момента все и началось.

3

За завтраком, запивая бутерброд с сыром кофе, я вдруг стал предвосхищать новости. Включив телевизор по обыкновению исключительно для звукового фона (я не любил новости), я неожиданно для самого себя составил в голове список всех новостей, которые мне предстояло посмотреть в течение ближайших 10—12 минут. Саботаж в парламенте, где депутаты сорвали

очередное заседание по принятию бюджета, скандал на почве коррупции, аферы с недвижимостью, ДТП в центре города, ограбление ювелирного магазина, забастовка рабочих завода – последнего в городе производственного предприятия, любовные интрижки в богемной среде... Еще диктор не открыл рта, а я уже знал наперед, что он скажет. Но поразительным было даже не это, а то, что я вдруг увидел всю подноготную человека, уже немолодого, читавшего новости. Он был болен (что-то с печенью), но продолжал пить в одиночестве, читал книги забытых авторов, а скромные сбережения держал в жестяной банке из-под чая. Факты меня не трогали, как и прежде. Я вдруг стал остро реагировать на поведение и поступки людей, подобно тому как некоторые реагируют на перемену погоды. Я заранее знал, что диктор собьется, что он будет щипать себя за правую ногу, чтобы не уснуть, потому что всю ночь ему не давала покоя бессонница. Будущие события роились в моей голове, как гнус, обещавший навсегда лишить меня покоя – покоя ума и души. Я стал задыхаться и в поисках глотка свежего воздуха выскочил на улицу.

Я решил выпить кофе в кафе через дорогу, но, подойдя к мостовой, стал как вкопанный. Я принялся ждать... ее. Не было ни единого сомнения, что скоро здесь появится девушка, с которой я не был знаком, но при этом точно знал, как она будет выглядеть, что она не блондинка и не брюнетка; у моей незнакомки будут русые волосы, серо-зеленые глаза и едва заметные ямочки на щеках... Я ждал ее как дурак, застряв посреди улицы, ни смея двинуться с места, опустив растерянный взгляд себе под ноги... Уличный рой не утихал: ровно гудели моторы, изредка воздух пронзали звуки клаксонов, мой слух то и дело улавливал обрывки каких-то фраз, смеха и даже ругательств, произносимых пешеходами. В ответ мой мозг выдавал хаотичный набор предсказаний – они генерировались в моем сознании с производительностью компьютерного процессора, – в голове, возникнув ниоткуда, беспорядочной вереницей проходили образы, поступки и события, еще не наступившие, ждавшие своей очереди, какого-то неизреченного, неведомого им сигнала. Но, будучи не востребованными никем из тех, кому были адресованы, все предвидения быстро стирались в моем мозгу – пропадали в никуда. Но на их место тут же приходили новые. Это был какой-то кошмар! Однако он не угнетал меня, а напротив, наполнял все более крепнущей радостью: я утверждался в уверенности, что она вот-вот появится – и она появилась.

Она была такой, какой нарисовало ее мое видение: юная, с немного выщипавшимися русыми волосами, с серо-зелеными глазами и ямочками на щеках. Вид у девушки был ужасно потерянный, но глаза горели нехорошим безумным огнем. Она, ускорив шаг, метнулась к дороге – как раз в этот момент на дорогу выскочил автомобиль (кажется, это был внедорожник «Мицубиси»), – я выбросил в сторону левую руку и едва успел схватить сумасшедшую незнакомку. Джип, не притормозив, скрылся из виду, и мы остались вдвоем. Толпа равнодушно обтекала нас, и мы тоже не замечали ее. Безотчетным движением я прижал девушку к себе, у нее было мокрое от слез лицо, сердечко в груди бешено колотилось, а волосы умиротворяюще пахли цветами. Я вдохнул ее запах и, отважившись, посмотрел ей в глаза.

– Вы хотели умереть.

– Отпусти! – вместо благодарности она яростно отпихнула меня. Но, освободившись от моих объятий, уходить не спешила. По-детски шмыгнув носом, она спросила: – Откуда ты знаешь, что я нарочно полезла под тачку? Ты что, ясновидец?

– Нет, таксист.

– Таксист?

– Да.

– И что ты обо мне знаешь, таксист?

– Все.

– Так уж и все. Гонишь ведь, да?

– Ты хотела свести с жизнью счеты...

– Теперь это и ежу ясно.

– Не перебивай. Ты – чужая мечта. Акцептор, который владеет тобой, – один папик, постаревший авантюрист и мизантроп, поднявшийся в большой бизнес из науки. Отсюда его цинизм, расчетливость и гнусные манеры, выдающие в нем холодного экспериментатора... Однажды на какой-то тусовке, куда привел тебя папик, ты познакомилась с парнем и тут же влюбилась в него...

– Ладно, твоя взяла. Вижу, ты подкованный чувак, но давай о чем-нибудь другом.

– ...Ты внушила себе, что непременно должна стать его мечтой, и в ту же ночь легла к нему в постель...

– Ты что, кретин?! Я же сказала – смени тему!

– ...Каково же было твое разочарование, когда ты поняла, что он не умеет мечтать. Ты ему оказалась ненужной...

– Вот урод! Я же как человека попросила тебя! – девушка накинулась на меня с кулаками и даже умудрилась укусить за правую щеку. Я не сопротивлялся, мне было больно, ей было больней, но я был обязан дорассказать – такое правило ясновидца: начал открывать кому-то его судьбу – говори до конца. В тот момент, когда я впервые в жизни вещал, я, конечно, ни сном ни духом не знал об этом правиле, но меня с головой захватила какая-то сила, которая заставляла мой язык с монотонностью пулемета выплевывать слова – пока они не кончились.

– И что же теперь мне делать? – вдруг совершенно спокойным, отстраненным тоном спросила она. Опустила руки и разжала кулаки. Слово и она выпустила в меня последнюю обойму, не оставив даже одного патрона, чтобы покончить со мной или с собой.

– Я отвезу тебя к Гимарину.

– Хм, ты даже имя его знаешь?

В ответ я лишь пожал плечами.

Преуспевающий делец, владеет фармацевтическим заводом и сетью аптек, одаренный химик-биолог, но при этом законченный человеконенавистник и ловкач. Стандартная биография коммерсанта, променявшего идеалы науки на золотого тельца. Чтобы узнать, кто такой Гимарин, не нужно быть провидцем: в Сети довольно о нем информации...

– Зато я по-прежнему не знаю твоего имени, – смущенным, извиняющимся тоном признался я. – Ясновидцы все-все способны прознать про людей и их мечты, но вот ваши имена для нас недоступны.

Мне хотелось хоть что-то приятное сделать Аленде, поэтому я откровенно ей лгал.

– Так ты и вправду не знаешь моего имени? – на миг засомневавшись в правдивости моих слов, ожила девушка.

– Говорю же – не дано, – я любовался ею, при этом проклиная себя: ведь я положил глаз на чужую мечту. Ну и кретин же был тот парень, ради которого она бросила своего папика. Теперь, из-за этого убогого сопляка, не способного мечтать и радоваться жизни, девчонке придется снова лезть в постель к старику... Я отогнал от себя дурацкие мысли и, постаравшись улыбнуться как можно приветливее, спросил, глядя в глаза чужой мечте: – Так как же тебя зовут, сумасшедшая?

– Сам ты придурок!.. Аленда.

Не удержавшись, я поцеловал ее и, посадив в такси, стоявшее поблизости на стоянке, отвез Аленду, куда обещал. На душе было очень кайфово и одновременно очень паскудно. Ведь только что я втюрился в чужую мечту и при этом совершил двойное предательство – я предавал Аленду, возвращая ее ненавистному ей Гимарину, а вместе с ней предал еще одну славную девушку, мою мечту Юти.

В пути Аленда прижалась к моей руке – как раз к тому месту, где у меня вырос грибок. Она явно лукавила, что-то замышляя, когда начала говорить мне всякий бред:

– А ты ничего... Даже лучше, чем ничего. Надо будет найти минутку и переспать с тобой. Ты ведь таксист – значит лихач. Ты ведь и в постели лихач, чего молчишь? У тебя улыбка кретинская!

Я и вправду всю дорогу улыбался, как какой-то кретин.

Вдруг она вцепилась в меня взглядом – ага, вот оно, догадался я.

– Скажи, как ты это делаешь?

– В смысле? Трахаюсь, что ли?

– Не придуривайся! – глазки у нее были остренькими, как зубки, – не отвяжешься.

Я подумал, что, пожалуй, не прочь с ней переспать, поэтому сделал вид, что сдаюсь.

– Ты хочешь знать, как я предсказываю?

– Да.

Ухмыльнувшись, я свернул к обочине и заглушил мотор. Потом, придав своему лицу крайне важное, суровое выражение, скинул с себя куртку и закатал свитер на правой руке.

– Блин, что это за дрянь?! – увидев гриб, Аленда шарахнулась от меня и ударилась затылком о стекло на дверце.

– Гриб. Он и помогает мне вещать.

– А чего он весь в кровище? – морщась от омерзения и дикого страха, едва выдавила из себя Аленда, когда слова, до этого бывшие легкими и невесомыми, вдруг превратились в густую вязкую пасту. Прямо как та, что краснела в моем грибе.

– Это не кровь, а какие-то непонятные выделения, – я мокнул палец внутрь гриба и неожиданно поднес к носу девушки. – Хочешь попробовать?

– Да ты что, спятил?! – Аленда завизжала как резаная. – Сейчас же высади меня!

– Успокойся. Довезу и высажу, – я попытался уговорить ее, но она забилась еще сильнее. Тогда я решил свести все к шутке и, как ни в чем не бывало, облизнул с пальца красную слизь.

– Сладенькое... Знаешь, какой после него стояк наступает?

– Да пошел ты, урод!

Оставшееся до дома Гимарина время мы ехали молча. Я включил блюз и, поглядывая в зеркало на Аленду, пересевшую на заднее сиденье, знал, что все будет хорошо. Девушка постепенно оттаяла, перестала ежиться и называть меня всякими нехорошими словами; кажется, она даже забыла про мой гриб...

Наконец приехали. Я остановился в нескольких метрах от ворот, за которыми скрывался довольное помпезный, кичливый особняк, потому что дорогу нам преградило другое такси. Я проводил Аленду до ворот, за ними топтались двое охранников и какой-то мужик в смешной красной шапочке в белую горошину.

– Это что еще за мухомор? – хохотнув, спросил я.

– Наш молочник, – безразличным, почти потерянным тоном пояснила девушка. – У них в фирме все так ходят. Это типа униформы. Подчеркивают свою долбанную экологию.

– Молочник-мухомор... А ты что, любишь молоко?

– Офигел?! Это Гимми умирает без молока, а меня выворачивает от него.

– А виски ты хоть пьешь?

– А то! С колой я все пью...

Прощаясь, я поцеловал Аленду на глазах охранников и мухомористого молочника, сел в машину и, дав задний ход, рванул с места.

4

Сегодня была пятница. Вечером мы втроем должны были по обыкновению собраться в баре «Полонез». На меня что-то нашло, после того как я расстался с Алендой, сердце мое

переполняла радость, я был в ударе, мне хотелось покуражиться и совершить что-нибудь безрассудное... И тогда я решил разыграть друзей.

Я придумал для Михаила и Дика многоходовую комбинацию. Она была построена на вещах, которые я предвидел ясно, как день, но о которых не могли знать мои товарищи. Результатом розыгрыша стало то, что я заставил поверить их в невозможное: Михаила в то, что он уже сегодня утратит редкий дар обращать спички в живые растения, а Дика – что к нему вернется Берти, его любимая бабочка, которую раздавили во время недавнего митинга.

Выслушав мой сбивчивый, горячечный рассказ, приятели оторопели от неожиданности. Но это длилось недолго. Уже через минуту они решили, что я задумал их жестоко развести: Михаила чуть не хватил сердечный удар, а Дик едва сдержался, чтобы не набить мне морду.

Потом, когда до них дошло, что я знаю о них такие вещи, о которых они даже не смеют догадываться, оба снова замерли, оцепенели, а затем, отойдя от шока, потребовали объяснений.

Первое предвидение было связано с Мари, женой Михаила. Сегодня ей вдруг взбрела в голову бредовая мысль: Мари вдруг решила, что пора выкинуть из дома разный хлам, в том числе детскую ванночку, в которой Мишка превращал горелые спички в чудо-деревца. Глядя в стакан с недопитым виски, я видел воочию, как Мари вызвала грузчика, чтоб тот вынес ванночку из квартиры, пикап грузчика был уже в пяти минутах от дома Михаила, поэтому я посоветовал другу позвонить жене и предупредить ее, что он осведомлен о ее мерзком плане.

Второй пророческий финт оказался для меня проще, но для Дика более жестоким. Вчера перед сном меня внезапно осенило (видимо, уже начал действовать гриб), что у Берты могло быть потомство. Дик не ведал о том, что бабочка отложила яйца на его цветастый верблюжий плед. Дик крайне редко им пользовался, плед лежал в шкафу; там, в тепле и во тьме, сформировался кокон, и час назад из него вылупилась бабочка. В отличие от своей неповоротливой матушки, неспособной летать, малышка оказалась очень легкой, подвижной и любознательной. Последняя черта ее и сгубила. Бабочка выпорхнула из шкафа и, облетев несколько раз комнату, с доверчивым видом села на клетку со скворцом. Тому оставалось лишь просунуть сквозь прутья свой черно-желтый клюв...

– Керуак, я требую объяснений: как ты, собака, докопался до этого? – угрожающе сдвинул брови, Дик поднес к моему носу кулак.

– В этот раз тебе не отвертеться, – поддержал друга Михаил. – Так что не юли, выкладывай все как на духу. Мы не отпустим тебя, пока ты не скажешь, на хрена ты за нами следил!

Но я не успел им ничего рассказать – за меня это сделала Аленда.

– Ваш приятель псих. Он жрет гриб, который торчит у него из руки, и пророчествует, – совсем близко раздался вдруг ее голос.

Я мгновенно обернулся – и увидел ее. Аленда сидела за соседним столиком, в полном одиночестве, и с меланхоличным видом потягивала через соломинку какую-то бурую жидкость. Я был потрясен и счастлив одновременно. Бросив приятелям что-то вроде «я сейчас...», пересел за столик Аленды.

– Куда?! Назад! – запоздало крикнул мне вдогонку Дик, но я не удостоил его даже взглядом.

– Привет, – я улыбнулся Аленде.

– Хочешь? – она придвинула ко мне стакан. Я машинально потянул из соломинки – и тут же выплюнул все на стол: ненавижу виски с колой!

– Как ты меня нашла?

– Как?.. Я тоже провидица. Не все же тебе одному людям лапшу на уши вешать.

– Нет, правда?

– Да все очень просто, чувак. Я спросила у таксиста, который возит нашего молочника, где собирается его братия. Он вначале ломался, как девка, но когда я сунула ему забугорскую бумажку, тут же раскололся, сказал, что вы заседаете в «Полонезе».

Замолчав, Аленда опустила голову и снизу вверх заглянула мне в глаза – так осторожно, будто готовилась поймать то, что из них сейчас выпадет.

– Ты чем-то расстроен? Ты не рад меня видеть?

– Рад. Но я обречен.

– На что?

– На ночь с тобой.

От этих слов Аленда демонстративно фыркнула, обрызгав меня слюной.

– Гимарин, если узнает, что я переспала с тобой, убьет нас обоих.

Я улыбнулся: мне понравилось, каким образом она дала согласие на секс со мной. Вслух же я сказал другое:

– Тебя не убьет точно.

– Почему ты так в этом уверен?

– Ты забыла, я могу заглядывать в будущее.

Я позвонил напарнику – его смена вечно выпадала на пятницу, когда большинство собирались в баре, – и он отвез нас к дому Гимарина.

Хозяина дома не было. Но Аленда все равно не захотела включать свет в прихожей, ловко подставила мне подножку, повалила на пол и повалилась на меня сверху. Ее губы тщательно обыскивали каждый сантиметр моего тела, словно первобытный охотник в поисках съедобного корешка, – в то время, когда мой корешок давно прорастал в ее дерзкой утробе...

Потом мы перебрались в ее постель, и теперь я искал на ее теле места, которых не успели коснуться мои губы.

Потом нам захотелось есть, и я, посадив ее себе на закорки, понесся, как конь, на кухню.

– А там что? – пробегая возле мрачной, как мне показалось, наглухо закрытой двери, мимоходом поинтересовался я.

– Фиг его знает, – отмахнулась Аленда, продолжая погонять меня, как заправская наездница. – Гимарин меня туда не пускает. Наверно, он ставит там свои эксперименты.

– Эксперименты? А ты ничего о них не рассказывала...

Через минуту нам было уже не до них, до чужих экспериментов, – мы сами были горазды экспериментировать, да еще как!

Была какая-то еда, небрежный пир, хватали пальцами и губами, брызгались кетчупом и взбитыми сливками, бросались маслинами и корнишонами, по очереди вымазали друг дружку красной патокой из моего гриба – и, вновь умирая от беспричинного голода, сливались в жадном соитии...

Мы уснули, то ли безнадежно переплеться телами, то ли в забытии отвергнув друг друга. Посреди ночи вернулся Гимарин с каким-то типом и, ни слова не говоря, выстрелом в голову убил Аленду. «Провидец хренов», – все, что я успел подумать о себе в тот момент.

Кровь Аленды обрызгала меня и залила гриб. Я почувствовал, что стремительно теряю зрение – и в следующий миг отключился...

5

Очнулся я, сидя на стуле, со связанными сзади скотчем руками. С трудом приподняв веки, я попытался осмотреться. Справа от меня, напротив входа в комнату, стоял длинный, вдоль всей стены, стол, заставленный многочисленными и разнокалиберными колбами, пробирками, баночками и штативами. Вероятно, я попал в химическую лабораторию, догадался я. И тут я увидел их.

– Ну, что вы чувствуете? – спросил, приблизив свое лицо к моему, Гимарин.

– Гимми, он тебя не слышит, парень еще в отключке, – донесся до меня другой голос. Он принадлежал тому типу, что приехал с Гимариным ночью. Я невольно обратил на него внимание: незнакомец был чрезвычайно толст, подобно тем жирным американцам, которых показывают по телеку. Приставив к торчащему животу тарелку, этот тип жадно обглаживал свиные ребрышки, обмакивая их в какой-то приятно пахнущий соус. Одутловатое лицо толстяка лоснилось, остатки волос на большом голом черепе были заплетены в тоненькую свинячью косичку, лениво телепавшуюся в такт его движениям.

Гимарин, напротив, был тощ, худ и зол. Его острая, клином, борода, казалось, искрилась и потрескивала от избытка нервных зарядов, спрятанных в ней; глаза лихорадочно блестели, обращая свой взгляд попеременно то на меня, то внутрь себя – в этот краткий миг они затуманивались, стекленели, будто сознание решило покинуть его...

Но вот глаза Гимарина вновь болезненно вспыхнули, впившись в меня, и он повторил:

– Так что же вы чувствуете?

– Я...

– Вы будто ослепли, так?

– Да, но... я вас вижу. Хорошо вижу!

– Ни черта ты больше не видишь, – оторвавшись от еды, рявкнул толстяк. – То, что ты мог раньше, все эти твои способности... теперь коту под хвост!

– Все, как я предполагал: кровь нейтрализует цианол – яд, которым был богат твой гриб.

– Это что же, все это время я добровольно травился?!

– Ты про красные секреты, которые выделяет гриб?.. Нет, это совсем другое, они абсолютно безобидны. А вот яд в тканях гриба...

Возбужденный каким-то открытием или, точнее, фактом его доказательства, Гимарин стал нервно ходить по комнате. Его место возле меня тотчас занял толстяк; он пожирал меня таким взглядом, словно ему было недостаточно его свиных ребрышек.

– Усек, парень? Не верь Гимми, он тебя успокаивает. Ты жрал этот яд, и он вызывал у тебя галлюцинации.

– Это были не галлюцинации, я в самом деле мог предсказывать!

– Заткнись, придурок!

– Что вы со мной сделаете?

– Как что? Убьем, а потом сожрем на ужин.

– Видите ли, возможно, это прозвучит для вас новостью... – с нарочитой медлительностью, как будто раздумывая, говорить ли мне правду, начал Гимарин, снова подойдя ко мне. Запнувшись на миг, он продолжил, но теперь таким тоном, словно говорил сам с собой. – Гриб помогает обрести бессмертие, я в этом ни в коей мере не сомневаюсь. В грибных тканях скрыт фантастический иммуностимулятор! Однако к нему не так просто подобраться, гриб и впрямь очень ядовит... пока жив его суррогатный носитель. Нам пришлось провести ряд экспериментов...

– Чтоб ты знал, мы сожрали трех болванов, таких как ты, чтобы выяснить истину! – по второму разу обсасывая свиные косточки, встрял толстяк.

– ...И только один показал, что цианол утрачивает свою силу, стоит лишь устранить суррогатного донора. В этом случае, в случае насильственного смертельного исхода, энергия яда сублимируется в энергию роста гриба: клетки его грибницы начинают активно размножаться, и она пускает свои грибные метастазы столь глубоко...

– Что легче сожрать тебя, чувырлу, чем выковырять из тебя гриб, ха-ха-ха! – вновь вмешался толстопузый, помахивая, как хвостом, своей мерзкой косичкой.

– Нет-нет, вы это не сделаете! – воспротивился я своей незавидной участи и что есть мочи заерзал на стуле. – Вы же цивилизованные люди, а не какие-то людоеды. И потом, есть

меня из-за гриба – это же так... примитивно... Вы, наверно, его с чем-то спутали, да вы его просто недооценили! Это – гриб-оракул! Он помогает предсказывать будущее...

– Чепуха! Втемяшил себе в голову чужую бредятину и теперь выдаешь за свою. А почему? Да потому что жить хочешь, сволочь!

– Мой друг крайне задирист и резок, но все потому, что ему не терпится вас попробовать... – впервые улыбнувшись, объяснил поведение толстяка Гимарин. – Однако я должен признать, что какой-то смысл есть в ваших словах, Керуак. Вероятно, гриб и в самом деле каким-то образом помогает угадывать будущие события и поступки. Но лишь до тех пор, пока он является частью вашего организма. Подчеркну – живого организма!.. Нда-а. Все ваши шаги я знал наперед, Керуак. Это я запустил газетную утку о сакральной пользе эзотерической тату, это я продал твоему товарищу краску, в которой оказались поры гриба Пако.

– У моего гриба есть имя – Пако?!

– Одно из его побочных свойств – способность преломлять сознание. Подобно преломленным лучам света, такое сознание в состоянии обходить, огибать углы будущего и благодаря этому видеть, что скрывается за ними. Но это свойство гриба Пако ничто в сравнении с другим его достоинством – способностью продлевать жизнь на века. Однако при соблюдении одного важного условия: гриб должен быть приготовлен особым способом, неразрывно с тем, кто является его питательной средой.

– Вы уже говорили мне об этом. Или у вас склероз? Тогда вам гриб уже не поможет, – съязвил я, терять мне уже было нечего.

– Ты гляди, он еще шутит. Борзый, что ли? Да я тебя вмиг приведу в чувство! – толстяк, швырнув тарелку на пол, с воинственным видом ринулся на меня. Но Гимарин одним властным жестом остановил его.

– Отставить, Марсель! Сходи лучше на кухню. Я поставил на огонь бак с водой, проверь, как он.

– Хорошо, Гимми, – толстопузый Марсель хищно ухмыльнулся и, похотливо подмигнув мне, ушел на кухню.

– Свинья! Сколько раз я просил не есть в лаборатории! – оглянувшись вслед толстяку, неожиданно выругался Гимарин.

Присев на корточки, он некоторое время молча собирал с пола рассыпавшиеся кости. Подхватив двумя пальцами последнюю косточку, он пронес ее мимо тарелки и, шагнув к столу, вдруг бросил в сосуд, довольно объемный, с мутноватой водичей. Затем он сходил к холодильнику, стоявшему в другом углу комнаты, взял бутылку молока (я заметил, что холодильник под завязку был забит этими бутылками) и, вернувшись к столу, вылил молоко в сосуд. В первый момент неизвестная жидкость обрела явный молочный оттенок и скрыла собой очертания кости. Однако спустя уже несколько мгновений жидкость посветлела, сделалась прозрачной, и в ней вновь явственно проявилась косточка – заметно увеличившись в размерах, как и положено из-за преломления света между воздухом и жидкостью.

Как замороженный, я следил за косточкой, продолжавшей расти...

Поймав мой изумленный взгляд, Гимарин взял со стола стальные щипцы и вынул из сосуда косточку – это была кость-монстр, размером с монтировочный ключ. Так вот, значит, какие кости находили в мусорных баках, пронеслось в моей голове. Стремясь скрыть свою растерянность и недоумение, я поспешно выпалил:

– Гимарин, да вы шулер и обманщик! Калиостро хренов! Сколько вы тут наговорили, а все напрасно, потому что вы понятия не имеете, что со мной делать!

– Что ж, дерзость и чувство юмора украшают мужчину, особенно в такие минуты, когда смерть неотвратима, – спокойно парировал на мой выпад Гимарин. – Но я отвечу на ваши упреки... Фокусы с костями – несомненно, это чушь, насмешка над общественным мнением,

которое я глубоко презираю. Другое дело ваш гриб... Мне нужно потянуть время. Пока засохнет на грибе кровь Аленды. Тогда ее легче соскрести, ведь чужая кровь мне ни к чему.

Гимарин наклонился над моим правым плечом, в руке его блеснул узкий нож, видимо, скальпель: Гимми осторожно стал соскребать кусочки запекшейся крови с внутренних стенок шляпки гриба. Я вдруг смирился со своей участью и следил за его действиями отсутствующим, безразличным взглядом, словно душа моя уже успела отправиться в мир иной, оставив холодным наблюдателем лишь мой несчастный мозг.

Очистив от крови гриб, Гимарин нетерпеливо крикнул, повернув голову в сторону открытой двери:

– Марсель, где ты там застрял?! Вода закипела?

Толстяк не заставил себя долго ждать – он вошел в комнату, осторожно неся перед собой громадный бак с вскипяченной водой...

Меня едва не сварили или потушили, подобно грибному рагу. Помешала моей гастрономической смерти Юти. Моя мечта – чертовски ревнивая девица и неисправимая собственница. В отличие от покойной Аленды, Юти ни за что не придет в голову поменять меня на кого-то другого. И вовсе не потому, что любит меня без памяти. Возможно, даже наоборот – едва терпит. Но уж больно она прикипела, сроднилась со мной, как гриб Пако...

О том, как она нашла меня в доме Гимарина, рассказали мне потом мои друзья, когда я был уже на свободе и спокойно потягивал виски в «Полонезе». В тот вечер Юти занималась в тире – она с тщательным упорством готовилась к встрече с маньяком-канибалом и неизменно радовалась результатами своего инструктора. После стрельбы она поехала домой, где меня, по известным причинам, не оказалось. Тут она вспомнила, что была пятница, когда таксисты собираются в «Полонезе», и отправилась в бар, но и там меня не было. Дик отморозился, мол, понятия не имеет, где я, а Мишка сдал меня (ему, мерзавцу, всегда нравилась моя мечта). Однако и он не знал, в каком направлении я укатил вместе с Алендой.

Но и это не смутило мою Юти. Она вскочила на стол, за которым сидели Михаил и Дик, и закричала что есть мочи, обращаясь сразу ко всем таксистам:

– Эй, вы, кретины! Кто из вас знает, куда уехал Керуак? Ему грозит смертельная опасность. Если никто из вас не расколется, он погибнет!

Откуда она узнала, что мне грозит смертельная опасность? Нет, она не могла это знать. Ведь Юти не была ясновидицей. Похоже, она просто блефовала.

И тут на ее отчаянный призыв откликнулся Рем, тщедушный такой мужичок.

– Я привез сюда ту девчонку, с которой свалил Керуак. Скорее всего, они поехали к Гимарину, где живет эта девица.

– Вези меня туда! – властно приказала Юти, спрыгнув со стола.

Как она проникла в дом Гимарина – отдельная история. Поначалу Юти хотела убить свою соперницу, но когда увидела, что та уже мертва, выстрелила в меня. Она считала себя хорошим стрелком, слышала немало лестных слов в свой адрес, но, вероятно, инструктор ее перехвалил, втайне мечтая с ней переспать. Хотя, может быть, она и вправду была хорошим стрелком, но при этом она не учла одно обстоятельство: ревность ослепляет, как яркое солнце. В итоге Юти угодила не в меня, а в гриб. Пришедшие в бешенство Гимми и его приятель Марсель принялись, как одержимые, палить в мою мечту. И тут она, резко успокоившись, показала, на что способна, – всего двумя выстрелами заставила навсегда замолчать обоих господ...

А гриб не пропал. Мы с Юти собрали его по кусочкам с полу и сварили суп.

– Керуак, какая сегодня будет погода?

– А я почему знаю? Я больше не ясновидящий.

– Ну, тогда хоть накорми кошку.

Ни я, ни Юти не отважились есть тот грибной суп и скормили его Фильчи. Она съела суп за милую душу. Надеюсь, после этого кошка будет жить долго и счастливо. А если и попытается предсказывать, то я все равно ни черта не пойму в ее кошачьих бреднях.

Мокрый рай

1

За девять дней до Нового года Дик попал в аварию.

Он развозил по домам двух подвыпивших мужчин, забрав их в полвторого ночи из ресторана «Черешневый шинок». Клиенты набрались крепко, лыка не вязали, лишь что-то бесвязно бормотали всю дорогу и все норовили наддать друг друга кулаком. Они надышали в салоне убийственным перегаром, и Дик мечтал избавиться от них как можно скорей.

Было поздно. Днем и вечером шел надоедливый и злой зимний дождь, а посреди ночи ударил мороз, вода на улицах миглом замерзла, покрыв проезжую часть и тротуары коварной ледяной пленкой. Дику не впервой было вести машину по заледеневшей дороге, он был опытным и осторожным водителем. Но, видно, то, что произошло с ним спустя четыре минуты после того, как он высадил последнего пассажира, было у Дика на роду написано. На центральном мосту, разделявшем город на два больших района, встречная машина внезапно ослепила Дика, а затем, и вовсе съехав со своей полосы на встречную, неудержимо понеслась прямо на его такси. Он хотел было немного подать вправо, чтобы, подобно хладнокровному тореадору, пропустить мимо себя потерявший управление автомобиль, но не успел – его такси вдруг само утратило разум. По-другому не скажешь. В первый момент машина заметно вздрогнула и ее повело в сторону, будто она испугалась слепящего света встречного автомобиля, затем такси неистово закружило в безумной круговерти и на всей скорости бросило... но не на чужой автомобиль, успевший в последний миг ускользнуть от столкновения и умчаться вдаль, а на чугунное ограждение моста. Если б не прочные, крепкие перила, летело б такси Дика «рыбкой» или «солдатином» прямо в студеную черную воду Леспа, мрачно затаившегося под мостом... В итоге Дик разбил своему авто капот, здорово ушиб голову, снес приличный фрагмент в ограждении, а под конец сломал левую ногу. Вероятно, об один из чугунных столбиков, на которые напоролось его такси.

Неделю Дик провалялся в больничной палате, разглядывая гипс на ноге с таким изумлением, будто то был вовсе и не гипс, а... белый кокон, из которого вот-вот должна была вылупиться его новая, долгожданная бабочка.

Но бабочку он так и не дождался, а на восьмой день его пребывания в больнице, буквально за несколько часов до Нового года, нам с Михаилом удалось уговорить главврача отпустить Дика долечиваться домой.

– Но у вашего товарища еще травма головы, – какое-то время вяло сопротивлялся главврач.

– Так ведь это родовая травма, – с напускным безразличием пожал плечами я. – Дик часто нам рассказывает о ней. У этой старой раны есть одна интересная особенность: ближе к Новому году она всякий раз обостряется, отчего создается впечатление, что травма совсем свежая.

На это главврач не стал ничего возражать, молча засунул деньги, которые ему сунул Михаил, в карман халата и дал указание выписать Дика.

Оказавшись у себя дома, наш приятель, вместо того чтобы повеселеть и воспрянуть духом, захандрил еще больше.

– Вот что я тебе скажу, дружище, – подбадривающе похлопал его по больной ноге Михаил, отчего Дик едва не двинул ему в ухо. – Тебе нужно новое знакомство.

От этих слов Дик чуток повеселел и покачал головой. Я тоже улыбнулся. Невзирая на то что у Михаила была невероятно вспыльчивая и ревнивая жена, он из нас троих оставался главным специалистом по новым знакомствам.

– Нет, правда, – заметив в наших взглядах иронию, серьезно продолжил Мишка; но уже в следующий миг его губы, дрогнув, растянулись в улыбке до ушей. – Чего ржете, придурки?

– Это мы-то ржем? – ухмыльнулся я. – Давай выкладывай, чего ты там нового накопал.

– Да есть один сайтик знакомств...

– Неужели только один?

– Знакомств с мечтами.

– Ну, это немного меняет дело.

– Да фигня все эти ваши сайты знакомств! – буркнул Дик. Почесав загипсованную ногу, он смилостивился: – Ладно, диктуй, какой там у него адрес...

Вскоре Дик познакомился по сети с молоденькой мечтой по имени Ворскли. Ему понравилось, что на всех фотографиях, где мечта была снята, она была голая и непременно плавала в воде. Русалок у меня еще не было, решил Дик и позвонил диспетчеру, оформлявшей заказы на мечты.

– Я хотел бы мечту, ее зовут... – начал было Дик, но диспетчер бесцеремонно его перебила: – Имя не имеет значения. Какой айди у вашей мечты?

– Айди? Сейчас... Вот: VRS070988.

– А-а, это из крупногабаритных. Придется вам грузовое такси заказать.

– Пойдите, что значит «из крупногабаритных»? Я мечту, а не слона заказываю. Вы что, поприкалываться надо мной решили?!

– Никто над вами не прикалывается. Успокойтесь. Так в каталоге отмечено: «VRS070988 – крупногабаритная, доставка грузовым такси». Вы что, наш сайт не читали? Там все есть.

Дик еще раз зашел на сайт знакомств и в самом низу отыскал набранное мелким шрифтом все то, что минуту назад прочла ему диспетчер. «Вот так мечту нашел себе, – сморщился, как от зубной, боли Дик. – На фотках девочка что надо, а в описании – крупногабаритная. На черта мне такая!»

Он хотел было отменить заказ, но не успел – в дверь позвонили.

– Открыто! – прокричал Дик. Он лежал на кровати, нацелив на дверь сломанную ногу.

Дверь отворилась, и в дом вошли два курьера. Они внесли продолговатую картонную коробку, как из-под холодильника, и, опустив ее на пол, поставили вертикально.

– Открыть? – поглядев на загипсованную ногу Дика, предложил один курьер.

– Не надо. Где расписаться?

Расписавшись в накладной, Дик выпроводил курьеров и, встав на костыли, заковылял к коробке.

– Ну, это явно не слон. Для слона коробка маловата. Что ж там может быть?

Встав на здоровую ногу и одной рукой опершись о костыль, другой рукой Дик попытался поднять коробку – не тут-то было. Тогда он вооружился охотничьим ножом, с которым никогда не расставался, и принялся резать коробку на картонные лоскуты. Вдруг нож звякнул, коснувшись чего-то, что было спрятано внутри. Дик стал действовать осторожней. Стоя на одной ноге, он быстро устал, запыхался, но все же ему удалось содрать картонные латы и освободить то, что было под ними.

Открытие настолько ошеломило Дика, что он замер, потрясенный, продолжая неподвижно стоять на одной ноге, словно цапля.

Внутри коробки оказался прозрачный стеклянный цилиндр. Точнее бочка. Сверху она была закрыта крышкой и под самую завязку наполнена водой. В воде плавала невероятной красоты девушка. Она словно не обращала внимания на Дика, поворачиваясь к нему то одними, то другими, то третьими прелестями.

– Мечта-а-а! – восхищенно протянул Дик и, теряя последние силы, неуклюже плюхнулся на пол.

– Осторожнее! – раздался приятный девичий голос – но не изнутри бочки, а где-то совсем близко. Присмотревшись, Дик обнаружил на внешней стенке бочки динамик.

– Эй, как тебя там... Ты не захлебнешься?

– Ха-ха-ха, с чего ты взял? – из динамика послышался звонкий рассыпчатый смех. – Меня, между прочим, Ворскли зовут.

– Знаю, это ж я тебя заказал... Прости, пригласил к себе. А ты и вправду мечта?

– Лезь ко мне, узнаешь.

– Ты что! Я не такой человек-амфибия, как ты, мне воздух нужен.

– Так тебе воздух нужен или я... мечта твоя?

– И то правда. Эх, была не была!

Дик скинул с себя рубашку и джинсы, остался в трусах. Но Ворскли, улыбнувшись, показала ему взглядом, чтобы он снял и трусы. Дик плохо помнит, как он оказался внутри стеклянной бочки: что громоздил кое-как, взбирался на пирамиду из стола и табуреток, рискуя в этот раз сломать уже не ногу, а шею; как неуклюже плюхнулся в воду, оказавшуюся неожиданно горячей и подвижной; как тут же его шею обвили чьи-то нежные руки; как чьи-то губы прильнули к нему ниже паха; как он стал задыхаться и биться не то от чрезмерной сладости, не то от нехватки воздуха; как те же губы отыскивали его трепещущий рот и, тесно слившись с ним, вдохнули в него воздух – и за его плечами словно выросли крылья. Водяные крылья!

Дик был на вершине блаженства. Он, как безумный, целовался с Ворскли и занимался с ней любовью, больше не заботясь о том, чем дышать и как дальше жить. Потеряв голову от своей новой мечты, он забыл про поломанную ногу...

Очнулся он в своей постели. Голый, невероятно счастливый, но один. Снова совершенно один. На него накатил ужас нового одиночества: его предали, бросили, изменили, покинули... Не помня себя, не помня о загипсованной ноге, Дик в отчаянии слетел с кровати и, не удержав равновесия, жестоко рухнул об пол. Жуткий крик разорвал полуночную тишину – и тут же чьи-то влажные нежные пальцы коснулись его вспотевшего лба. Невидимые губы ласково прижались к его губам – и отстранились. Она! Она где-то близко.

– Ты!..

– Тссс!

– Но я тебя не вижу. Почему? Я хочу видеть тебя!

– Потом. Отдохнешь и увидишь. Там...

В этот момент за окном раздался шум мотора проезжавшего мимо авто, свет фар пробились внутрь сквозь плохо задвинутые шторы и дрожащим, чутким всполохом отразился на стеклянной бочке, на короткий миг выхватив ее из комнатного мрака.

– Снова полезем в бочку, да? – догадался Дик и невольно передернул плечами. – Но почему не здесь? В постели как-то... удобней.

– Здесь я невидима. Я везде невидима. Кроме моей бочки.

– Вот это да! Мечта-невидимка! Такой у меня еще не было. Ух ты!..

– Почему ты дернулся? Тебе неприятно?

– Да, то есть нет. Но лучше, когда видишь. На ощупь как-то не так.

– Какой ты привередливый. Полезли тогда в бочку.

– Не полезу. Вода больно горячая. И щиплется.

– Дурачок, тебе не угодить... А вода в бочке и впрямь никогда не остывает. Считаю, это мой персональный гейзер... Ну что, пошли?

– Погоди. Так ты, значит, и вправду мечта-амфибия? У меня от всего этого голова кругом идет.

– Успокойся. Какой ты, однако, впечатлительный. Небось, стихи пишешь или картины.

– Нет, я таксист.

– Таксист? Никогда бы не подумала. Такой нежный, такой впечатлительный – и таксист. А еще?

– Что еще?

– Ну, что еще делаешь, когда надоедает баранку крутить?

– Тату делаю.

– Тату?! А говоришь, не художник. Ну и как?

– Да фигово. Заказов с гулькин нос.

– А хочешь, дела пойдут?

– Ну...

– Сделай мне тату.

– Это еще зачем?

– Сделай, а потом поймешь.

– Тату... Ты ж невидимка. Я не смогу тату на ощупь сделать.

– Сможешь. Я тебя научу. Я сейчас лягу на спину, вот, легла. Опустил руку.

– Это ты? Какая у тебя гладкая кожа.

– Ха-ха-ха, не щекочи. Вот что. Зажги свечу и поставь мне на спину – нащупай, где у меня лопатки, и поставь свечу между ними. А потом обрисуй ее.

– Не понял, как это?

– Выколи мне татуировку вокруг свечи.

– Ничего себе план!.. Ну ладно, попробую.

Для татуировки Дик решил взять люминесцентную краску. Сделал трафарет: морского дракончика с крыльями бабочки – и принялся за татуировку. Чтобы свеча не обожгла Ворскли горячим воском, надежно укрепил горящую свечу в стакане, приклеив ее к центру дна жевательной резинкой. Работа продвигалась медленно. Дик то и дело ощупью убеждался, что мечта его не сбегала, по-прежнему с ним, безмолвно терпит и терпеливо ждет, когда он закончит. Наконец Дик закончил: его взгляду предстал таинственный сверкающий рисунок мифического существа – не то дракона, не то бабочки. Отерев пот со лба, он усмехнулся:

– Теперь ты уж не такая и невидимка. Айда в бочку!

Вода вновь сделала Ворскли видимой. Они плескались, как оголтелые, ныряли – в воду и внутрь друг друга... На спине девушки, между ее худенькими лопатками, будто крылья ангела, бились крылья выколотого на ощупь дракона-мотылька.

А утром Дик выставил Ворскли напоказ – водрузил бочку с ней посреди двора. Штакетник вокруг его дома был невысокий, вдобавок зазоры между досками позволяли без труда наблюдать практически весь двор, где стояло одинокое такси Дика и лежал ни разу нечищенный за зиму снег. Казалось, хозяин дома надолго покинул его или вовсе съехал... Так и вправду могло показаться тем, кто не близко знал Дика.

2

Но все резко изменилось в одночасье. Посреди двора странного и без того чудаковатого таксиста вдруг выросла стеклянная бочка, над ней поднимался пар, а внутри в чем мать родила плавала девушка. За ее плечами, вторя движениям ее гибких рук, летел необыкновенный мотылек с головой и хвостом сказочного дракона. Зрелище было столь необычным, столь завораживающим, что меньше чем через четверть часа возле дома Дика собралась приличная толпа зевак. Неведомо, что в тот момент притягивало людей больше, – обнаженная красавица, дивная татуировка или те фокусы, которые выкидывала девушка. Как ни странно, на то, что она дышала в воде, мало кто обратил внимание. Людей потрясли мгновенные исчезновения безымянной русалки: когда она вдруг выскакивала из бочки, подобно резвому дельфину, – и в тот же миг становилась невидимой, пропадала с глаз, словно переносилась в другой, запре-

дельный мир. Лишь выколотое на спине девушки фантастическое существо никуда не девалось. Напротив, стоило русалке Дика, как вскоре ее окрестили, на мгновение покинуть бочку и тут же исчезнуть в густом от жаждущих взоров воздухе, как татуировка, казалось, начала жить своей собственной жизнью. Она ярко вспыхивала в лучах зимнего солнца, переливалась, будто обсыпанная драгоценной пылью, и парила – свободно и безмятежно, как и положено большой, высокой мечте. От вида вытатуированного дракона у зрителей захватывало дух, сердце переполнял не испытанный доселе восторг...

Но это чудо длилось недолго. Уже спустя секунду-другую наваждение проходило: подчиняясь неведомой воле, дракон нырял обратно, в бочку, и там вновь сливался с игривой нимфой, которая вдруг чудесным образом материализовывалась из ниоткуда. Глядя на это волшебное превращение, толпа начинала хлопать руками и неистово кричать: «Русалка! Русалка!»

И только кто-то один, чье имя до сих пор не установлено, нерешительно заметил: «Братцы, да ведь это ж ангел!»

На следующий день Дик получил сразу три заказа на татуировку. А к концу недели его буквально завалили заказами. Здоровье тоже пошло на поправку – медленно, но неуклонно. Несмотря на это, следуя какому-то неизъяснимому упрямству или капризу, а может, из-за неуемного аппетита, что вот, наконец, дорвался до того, о чем раньше не мог даже мечтать, Дик не спешил убирать со двора бочку с Ворскли. И она, как ни в чем не бывало, продолжала показывать свои трюки – с магическим исчезновением и с таким же магическим возвращением.

После одного из таких показов, когда все зеваки разошлись, Дик сказал:

– Ворскли, я хочу на тебе жениться.

– Это ни к чему, – ответила она ему сухо, устало замерев внутри бочки. Над бочкой, дразня холодное небо, поднимался пар. – Ты таким образом все испортишь.

– Ворскли!

– Ты читал когда-нибудь сказку о рыбаке и Золотой рыбке? Помнишь, чем она заканчивается?

– При чем тут это?

– А ну-ка пройдишь! – неожиданноскомандовала девушка.

Дик, отбросив костыль, шагнул в снег – и едва не поскользнулся. Снег был затоптан ногами многочисленных зевак, приходивших плясать на диковинную голую девчонку, живущую в бочке с водой. Вначале неуверенно, словно нащупывая почву под ногами или остерегаясь наступить на снежную мину, пошатываясь и хромая, но с каждым шагом все веселей, все задорней и тверже, Дик шел по двору. Ему приходилось все время помнить про свою загипсованную ногу, и, когда он невольно ускорял шаг, нога явно не успевала за ним и тогда он заметно волочил ногу, подтягивая ее за собой, как раненого товарища, которого он ни за что не желал бросать на поле боя...

Дик не успел запомнить, когда ему вдруг стало легко. Внезапно он испытал сладостное чувство легкости, будто у него вдруг оттяпали пудовую ногу, но произошло это так быстро и безболезненно, что, кроме эйфории, он ничего больше не испытал. Ни боли, ни разочарования, ни стыда, ни обиды... Гипс разлетелся в клочья под пристальным взглядом Ворскли, под пристальным взглядом ее влажных глаз Дик почувствовал, что может сейчас же взлететь, но вместо этого обернулся – он не верил своим глазам, нет, он не верил своим ногам, к которым вдруг вернулась прежняя, уже порядком подзабытая сила.

– Что ж, до загса ты меня доведешь, – удовлетворенно хмыкнув, объявила Ворскли.

– А ты сомневалась? – гордо подбоченясь, воскликнул Дик. Наконец-то он смог смотреть на свою мечту сверху вниз.

– Ты знаешь, я согласна.

– Да?

– Я согласна выйти за тебя. Но тогда все должно быть по правилам.

- Не понял.
- Ну, перед свадьбой жених отправляется на мальчишник, а невеста устраивает девичник
- Ты хочешь кого-то пригласить?
- Нет. Лучший девичник – это когда в полном одиночестве.
- Так мне что, занести бочку в дом?
- С ума спятил?! Полное одиночество возможно лишь в толпе.
- Где ж я здесь, на отшибе, возьму тебе толпу?
- Ничего, мне и этих зевак хватит.

Дик надел чистые джинсы, которые Ворскли накануне постирала ему в своей бочке, пока тот дрых как убитый, и укатил в город. Дику понравились слова мечты об одиночестве, и он решил провести этот вечер в свое удовольствие. Припарковав такси неподалеку от бара «Полонез», он не стал никому звонить, даже своим близким друзьям, и, выйдя на центральную улицу, с удовольствием окунулся в густую разношерстную толпу, холодной лавой текущую вокруг. Дик был счастлив, он давно не чувствовал себя таким свободным!

Ворскли осталась одна. Прошлепав невидимыми мокрыми ступнями по дому Дика, она отыскала его ноутбук и сделала по интернету заказ. Вскоре приехал курьер, один из тех двоих, что несколько дней назад привезли ее сюда, и доставил коробку, перевязанную розовыми лентами. Внутри лежала свадебная фата. Ворскли нарядилась в фату и вышла во двор. Там уже собралась толпа, люди ждали свою нимфу, свою русалку. Отныне она заменила им все новости, ток-шоу и сериалы. Отныне она стала их единственной мечтой и любовью в этом глухом, забытом Богом местечке.

Ворскли вышла на крыльцо, гордо неся на плечах голову, облаченную в свадебную фату... Девушка по-прежнему была невидимой, лишь татуировка и фата выдавали ее присутствие.

– Смотрите, у дракона свадьба! У дракона фата! – прокатился по двору изумленный рокот. Дракон бесшумно парил в воздухе, над необыкновенным существом, словно крылья, развевались полы фаты, придавая зрелищу еще больше таинственности и магии. Люди с благоговейным трепетом расступались, освобождая дорогу удивительному дракону.

И только один не двинулся с места. Его лицо было плотно забинтовано, а сам он был прикован к инвалидной коляске. Когда дракон плавно проследовал мимо него, незнакомец заметно дернулся в его сторону, точно пытаясь остановить видение, но в последний момент то ли он передумал, то ли у него для этого не хватило сил.

Наконец дракон достиг бочки и, легко взлетев к ее горловине, нырнул в нее – радостные возгласы, вспугнувшие дворовых воробьев, тут же слились в единый счастливый гул. Взглядам преданной толпы снова предстал любимая русалка-нимфа. В свадебной фате, с непонятным, но уже привычным драконом она нагишом плескалась в воде.

И тогда случилось то, о чем Дику часом позже рассказал Михаил. Не зная, что Дик не только избавился от гипса, но уже запросто гуляет по центру города, Михаил приехал проведать друга и случайно оказался очевидцем неожиданного преступления. Как раз в тот момент, когда он, отворив калитку, входил к Дику во двор, раздался выстрел. Стрелял в бочку с нимфой-русалкой тот самый калека в инвалидной коляске, у которого лицо было замотано бинтом.

– Знаешь, кто стрелял?.. Никогда не догадаешься! – нервничая, вскричал Михаил, когда Дик наконец вернулся из города. Михаил терпеливо прождал друга в течение часа, сидя на его кухне. Он пил чай и глядел в окно на двор, где орудовала полиция. – Он хоть и законспирировался, как черт, замотал лицо какой-то тряпкой и даже прикинулся калекой, но я все равно его узнал. Это – Берроуз!

– Да ну?! Я убью его! – зарычал Дик и, выхватив из-за голенища сапога нож, в сердцах воткнул его в стол.

– Погоди убивать, там не все так просто... – Михаил не без усилий выдернул нож из столешницы, положил его на стол, а затем осторожно коснулся пальцем углубления, оставленного ножом. – Берроуз выстрелил, и... ничего поначалу не произошло. Я стоял за его спиной, видел, как он стрелял, и еще подумал: промазал! Но потом будто сработала бомба замедленного действия.

– Что это значит? Говори ясней!

– А то и значит, что вначале мне показалось, что Берроуз промазал, что пуля прошла в нескольких сантиметрах от бочки... Но через несколько секунд бочка разлетелась вдребезги.

– Видать, Берроуз выстрелил в другой раз.

– Нет, никто больше не стрелял. И Берроуз тоже. Он не смог бы это сделать, даже если бы очень хотел. После выстрела он выронил пистолет в снег.

С этими словами Михаил полез в карман и вынул пистолет.

– Оп-па! – невольно воскликнул Дик.

Михаил положил пистолет рядом с ножом и, все больше волнуясь, продолжил:

– Берроуза начало всего трясти, как будто у него случился припадок; откуда-то появились двое крепких парней, схватили коляску с трясущимся Берроузом и мигом смотались... Вот тогда и бахнуло!

– Что бахнуло? Бочка, что ли?

– Да. Сама разлетелась на куски.

– Ничего не понимаю. А где ж тогда Ворскли?

– Не знаю, – пожал плечами Михаил. Он так устал, пока рассказывал, что теперь ему было все равно, где сейчас Ворскли. – Полиция битый час ищет. Они примчались почти сразу, как это случилось. Будто знали заранее.

– Зря ищут. Все равно ничего не найдут, – вздохнув, Дик взял со стола вначале пистолет, потом нож и спрятал их у себя. – Потому что Ворскли – невидимка.

– Что?

– Долго объяснять, и вообще тебе это не понять.

– Может, поедем в «Полонез», выпьем чего-нибудь? А то у тебя, кроме чая, ничего нет.

– Ты езжай, а я останусь. Мне нужно побыть одному.

Приятель распрощался, Михаил поехал в «Полонез», а Дик остался дома. Во дворе попрежнему хозяйничали трое полицейских, тщательно обыскивая каждый сантиметр снега. Дик отвел взгляд от окна, огляделся: он был твердо уверен, что Ворскли нет не только во дворе, но и в его доме, что она бросила его. Но Дик не желал смириться с этим. Ему пришла в голову одна интересная мысль, он включил ноутбук, зашел на сайт, через который познакомился с Ворскли, и отправил администратору сайта сообщение. Меньше чем через минуту получил ответ. Прочел его, довольно хмыкнул и, быстро одевшись, отправился в город. Полиция продолжала поиски.

3

В приемной фирмы, владевшей сайтом знакомств с мечтами, было пусто и тихо. «Новый год, мечты сбываются за праздничным столом, а не здесь», – взглянув на искусственную елочку, стоявшую на столе, подумал Дик. Потом, поглядел на себя в большое зеркало, висевшее на стене напротив – оттуда на него уставилась мрачная, угрюмая физиономия. Ну и рожа, ужаснулся Дик. Но вслух сказал совсем другое:

– У меня есть мечта.

– Если есть, так зачем приехали? – оторвав от монитора взгляд, недоуменно спросила девушка – единственная живая душа, которая в тот момент была в офисе. В ее голосе Дик узнал диспетчера, несколько дней назад утверждавшей, что имя не имеет значение.

– У меня есть мечта, – спокойно повторил Дик. – Я хочу сам стать мечтой.

– Да? – девушка с интересом окинула его взглядом с головы до ног. – И какой же?

– Какой... Как вас зовут?

– Витти.

– Так вот, Витти, я хочу стать такой же мечтой-амфибией, какую сам недавно заказал.

– Без проблем. Только вам вначале нужно пройти курс дематериализации. Какой пакет предпочтете – «Стандарт» или «Мини»?

Дик купил «Мини», который был рассчитан на семь дней, Витти отвела его в комнату, похожую на барокамеру, и велела ему полностью раздеться. Пожав плечами, Дик выполнил требование – разделся и отдал девушке одежду.

– Вас не смущает, что я совсем голый?

– Скоро и вас это не будет смущать.

Прежде чем оставить Дика одного, Витти вручила ему прозрачный клеенчатый плащ, наподобие простого дождевика. Плащ был увит гирляндой со светодиодами.

– Оденете, когда все закончится.

– Зачем он мне?

– Потом поймете. А пока я повешу его здесь, – девушка повесила плащ на гвоздь, торчавший в стене.

Витти велела Дику лечь на кровать, стоявшую посреди помещения, и, когда он лег, вышла и затворила за собой дверь. Дик закрыл глаза и попытался мысленно представить себе, как выглядит Ворскли. Ее тонкий образ, орошенный сияющими каплями воды, едва всплыл из глубин его памяти и, продолжая сиять, предстал в его воображении, как уже в следующее мгновение был вытеснен туманом или дымом. Нечто схожее на дым заполнило собой не только шаткое воображение Дика, но и комнату, в которой он находился. Когда он открыл глаза, дым был повсюду, скрыв из виду стены помещения, немногочисленные предметы, стоявшие в нем, и даже руки и ноги Дика.

Чуть больше, чем через минуту, дым бесследно рассеялся, снова все стало ясно различимо, что до этого было скрыто дымом. Но только не тело Дика – оно по-прежнему оставалось невидимым. Пытаясь разглядеть свои руки, живот и ноги, вытянутые на кровати, он теперь видел одну лишь простынь, которой была застелена кровать. Вот оно, началось! Дику стало не по себе. Он ущипнул себя за левую ногу – она была на месте. Тогда он поднялся с кровати, прошелся невидимыми ногами по комнате и тут увидел странный плащ со светодиодами. Вспомнив слова Витти, Дик надел плащ – лампочки на нем тотчас вспыхнули, замерцали. «Вот, блин, елкой новогодней стал», – невесело усмехнулся он. Подойдя к двери, Дик тронул ручку – дверь оказалась открытой – и вышел.

В приемной все так же было безлюдно, одна лишь Витти что-то просматривала на мониторе. Переведя рассеянный взгляд на прозрачный плащ с горящими лампочками, будто сам собой всплывший в кабинет и зависший в трех шагах от ее стола, девушка даже не улыбнулась.

– Вас уже заказали, – вдруг выдала она.

– Кто?! – опешил Дик и от неожиданности попятился к двери.

– Что значит «кто»? – не скрывая досады, переспросила Витти. – Вы изъявили желание стать мечтой, купили пакет-семидневку, прошли процедуру дематериализации... За это время я разместила информацию о вас на сайте, и вот уже есть первая заказчица.

– Кто она? – снова овладев собой, спокойным голосом поинтересовался Дик. Точнее, казалось, говорил сам плащ – пустой, прозрачный, оживленный одними лишь горящими лампочками.

– Ее зовут Нея. Ей двадцать шесть. Остальное узнаете на месте. Да вот и курьеры.

В приемную вошли двое парней – уже знакомые Дику курьеры, несколько дней назад доставившие ему Ворскли.

– Посадите объект в бочку и отвезете вот по этому адресу, – распорядилась Витти и протянула одному из курьеров маршрутное задание.

– Пошли, привидение, – неожиданно грубо позвал за собой Дика курьер. Дик не осталось ничего другого, как молча стерпеть обиду и последовать за грубияном. Единственный протест, который он смог себе позволить, – это сорвать с себя шутовской плащ и кинуть курьерам под ноги.

Нея была из состоятельной семьи, по неизвестной причине жила одна в пустом роскошном доме. Кроме двух слуг – никого. Дни напролет Нея играла на фортепьяно или смотрела в окно. Теперь у нее появилась мечта. Девушка приказала курьерам занести бочку внутрь дома и поставить ее в центре гостиной, где много лет назад ее отец любил накрывать большой стол, за которым могло усестся одновременно около сотни гостей. Нея привыкла к одиночеству, оно ее не тяготило и не порождало в душе чувства неполноценности. Она выбрала водяную мечту по одной-единственной причине: ей давно хотелось иметь аквариум без рыб. Нея так рассуждала: мечта нереальней призрака, бестелесна и бессловесна, поэтому никогда не нарушит ее одиночества. Но когда увидела в прозрачной бочке вместо призрака голого, довольно хорошо сложенного мужчину, в первый момент разозлилась и хотела даже выставить претензию фирме, вздумавшей ее обмануть. Однако затем, понаблюдав, как ее мечта дышит в воде, будто рыба, разделась и залезла в бочку.

Ее мечту звали Диком. Он целовал ее в воде и занимался с ней любовью. Нея принимала его ласки без особой страсти, но и не отказывала ему. Секс с собственной мечтой она сочла столь большим недоразумением и нелепицей, что не воспринимала Дика всерьез.

Дик, напротив, вел себя крайне сдержанно и скрытно. В присутствии Неи он не вылезал из воды и, таким образом, не выдал своих необыкновенных свойств – становиться невидимым за пределами бочки.

Он выбирался из бочки лишь по ночам и в редкие дневные часы, когда Нея, не сказав ни слова, уходила из дома. Дик тогда сам уходил. На улице стояла пронизывающая до костей стужа, и, чтобы не околеть от холода, он оделся. Он нашел мужскую одежду в одном из многочисленных гардеробов в комнате, где давно никто не жил. Возможно, гардероб принадлежал отцу Неи или еще кому-то из ее родственников, но Дик на это было наплевать. Как и на то, что брюки, рубашка и пиджак были короткие, но при этом на два размера больше. Вещи были качественные, теплые, а главное, в них он продолжал оставаться невидимым. Дик особо не задавался вопросом, почему одежда не нарушает его удивительных свойств, ему было не до этого – он спешил, очень спешил, чтоб успеть сделать то, ради чего пошел на этот странный, рискованный эксперимент с самим собой.

На все про все отводилось семь дней. Такой срок был указан в пакете мечты «Мини», который Дик купил. На одну-единственную неделю он превратился в обладателя удивительных фантастических свойств – он стал невидим для людей, но, что гораздо важнее, Дик обрел способность видеть такие же субстанции, как он сам, – мечты-невидимки, неприкаянные призраки, подобно ему, одиноко бродящие по городу.

Однако у Дика была цель, она согревала его лучше, чем пиджак с чужого плеча. В поисках своей мечты он обшаривал подвалы и поднимался на чердаки и крыши, обошел вдоль и поперек заброшенные долгострои и ветхие, старые хибары... Но нигде не было видно даже следов Ворскли. «Наверно, она уехала из города, сбежала от меня к тому, у кого мечтать удастся лучше», – вздыхал Дик, но поиски не бросал. Когда наступало утро, он был вынужден возвращаться в дом своей заказчицы, развлекал ее в течение дня, а когда спускалась ночь, украдкой выбирался из бочки и вновь пускался на поиски.

Ему продолжали попадаться на пути лишь чужие водяные мечты. Одни страдали и молились за своих заказчиков, другие распутничали, пили горькую и гуляли напропалую. Третьи неотступно, будто верные псы, следовали за людьми, четвертые сгорали от робости – забив-

шись в угол или подворотню, смиренно сносили забвение и свою ничтожность. Пятые были чересчур надменными и заносчивыми, презирали даже людей, которые их заказали, шестые, напротив, оказались мудрыми и веселыми, с ними было легко, не хотелось от них уходить – но нельзя. Дик спешил, времени на то, чтобы отыскать Ворскли, оставалось все меньше. Наконец настал седьмой, последний день поисков.

Дик хорошо запомнил то утро. Усталый и разочарованный, он вернулся после ночных походов несколько позже, чем обычно. Всю ночь он лез из кожи, пытаясь во что бы то ни стало найти Ворскли. Ведь он прекрасно понимал, что другого шанса у него больше не будет: срок истекает... Поэтому, когда он вошел в дом, Нея уже проснулась. Она неподвижно стояла возле бочки, в недоумении уставившись на пустую воду. Нея была похожа на маленького ребенка, у которого забрали любимую игрушку. Дику стало жалко ее, он хотел ее коснуться, взять за руку, но передумал и в тот же миг вышел из дома. Терять ему теперь было нечего, и он решил посвятить весь последний день поискам своей мечты.

Стоял жуткий гололед, Дик, поскользнувшись, несколько раз упал. При падении он здорово стукнулся затылком о тротуар, с того момента на него время от времени стали накатывать приливы слабости и тревоги. Пока он, невидимый, лежал, растянувшись, на обледенелом тротуаре, на него пару раз чуть не наступили. Поднявшись и стряхнув с себя снег, Дик вдруг решил заглянуть в травмпункт. «Ведь если я несколько раз упал и чуть не разбил себе голову, то и Ворскли могла упасть», – резонно подумал он. Травмпункт находился в полуподвальном помещении, Дик осторожно, стараясь не поскользнуться, спустился по ступенькам вниз и отворил дверь.

Ему открылась странная, почти сюрреалистическая картина. Помещение травмпункта, совмещенного с небольшим стационаром, оказалось похожим на крошечный амфитеатр. Внизу, куда попал Дик, стояло с десяток кроватей, на которых лежали жертвы гололеда; там же находился стол медсестры, шкаф с медикаментами и раковина. Еще несколько кроватей стояло на террасе наверху. Между больными, снизу вверх и сверху вниз, металась медсестра. Она уже порядком выбилась из сил, едва успевала обслужить одного больного, как ее звал к себе другой, третий...

Невзирая на переполох и напряженность, здесь никто не роптал. Вместо возмущений и стонов откуда-то сверху, со стороны террасы, доносилась музыка.

Подняв голову, Дик с интересом стал разглядывать террасу. Она была, пожалуй, самым необычным местом в травмпункте: расположенная на высоте трех метров, она опоясывала зал с трех сторон и была ограждена мраморной балюстрадой. К террасе поднимались ступени со старомодными перилами – именно ступени и придавали медицинскому учреждению сходство с амфитеатром.

Ощущение абсурдности от увиденного усиливала спокойная, тихая музыка. На террасе, на пяточке, свободном от больничных кроватей, стояло старенькое разбитое пианино. За ним сидела девушка и самозабвенно, кротко играла. Этой девушкой была Нея.

Затаив дыхание, ее слушали больные, ее слушала и медсестра в коротких паузах между перевязками и приемом лекарств. Заслушался и Дик. В его голове не укладывалась эта удивительная картина: абсурдный, похожий на древнегреческий театр травмпункт, повсюду кровати, теснящиеся, будто в войну, – и фортепьянная музыка. Нея делала то, на что не способен был ни один врач – она исцеляла силой своей мечты. Но Дик тут был не причем. Он стал подниматься по лестнице, желая лучше рассмотреть Нею: ее лицо было столь кротким, столь одухотворенным, что Дик почувствовал, как в его груди дрогнуло сердце...

Очарование безмятежностью внезапно было нарушено. Вначале снизу послышался ровный, ненавязчивый плеск воды, затем раздался испуганный крик медсестры:

– О мать божья, трубу прорвало!

В тот момент Дик уже поднялся на террасу и стоял в двух шагах от Неи. Он невольно оглянулся на крики и замер в оцепенении от увиденного. «Что здесь происходит? Шоу? Или тут и вправду комедию разыгрывают, а я, как дурак, всему верю», – пронеслось у него в голове.

Тем временем внизу, где располагалась большая часть кроватей, и вправду быстро прибывала вода.

– Ой, сейчас же затопит! – вскрикнула Нея. Бросив играть, она кинулась помогать медсестре перетаскивать хромым и больных с нижнего этажа на террасу.

Дик, глядя на наводнение, тоже бросился помогать, подставляя пострадавшим невидимое плечо и руку... И тут он увидел виновника аварии. Это был плюгавенький, тщедушного вида голый мужичонка с редкими, спутавшимися волосами. Он топтался возле ручкомойника, размахивая сорванным с трубы шлангом, из которого хлестала вода, и беззвучно хохотал. Никто, ни одна душа в палате, не замечала его. Потому что он был мечтой – невидимой водяной мечтой.

Дик мигом подскочил к мужичку и схватил его за грудки. Они стояли друг против друга по щиколотку в воде; Дик ненароком подумал, видит ли их ноги кто-нибудь еще, кроме них двоих, но тут же забыл, о чем думал. Он был в ярости.

– Ты чего это, утопить всех решил?!

Мужичонка обмер от неожиданности, перестал смеяться – и вдруг захохотал снова, с еще большим вызовом и злостью.

– Он пренебрег мной, понимаешь?! Послал меня на хер! А я ведь мечта не простая, я ему это просто так с рук не спущу. Он должен понять, что без меня, без своей мечты, ему никак. И другим тоже! Ха-ха-ха!

– Ну ты и сука, а не мечта!

Дик врезал чужой мечте по морде и наверняка убил бы ее, если б в тот момент с ним был его нож или пистолет Берроуза. Но он сам был мечтой, а всякая мечта безоружна, хотя и обязана постоять за себя.

Дик смыл с кулака чужую кровь, затем присоединил шланг к трубе, перекрыл воду и, все такой же невидимый, помог подняться с лежанки старику, у которого была сломана нога...

В какой-то момент они оказались рядом – Нея и Дик. Она не видела его, а он видел ее прекрасно: в тот миг, несмотря на собачью усталость, она была необыкновенно красива. Ей хотелось побыть одной после этой дикой суматохи, она села на полу и облокотилась спиной о ножку пианино. Ей было тяжелей, чем Дику, и он обнял ее за плечи.

– Дик? – неожиданно сразу догадалась Нея.

– Я... Как ты меня узнала? – не скрывая своего изумления, спросил он.

– По дыханию. Я ведь музыкант, у меня чудесный слух и память.

– Здорово... Но я же дышал в воде.

– Не имеет значения. Чтобы понять, твой ли это человек, не важно, где ты его встретил.

Посидев с Неей еще минуты три-четыре, Дик сказал:

– Ну, мне надо идти.

– Я знаю, – повернув лицо в его сторону, она безошибочно отыскала его невидимые губы и поцеловала.

4

Дик искал Ворскли до позднего вечера. Люди на улицах, припорошенные легкой снежной поземкой, навьюченные пакетами и свертками, в едином жизнерадостном порыве торопились в свои дома или рестораны, где их ждало заказанное заранее счастье, пенистое и пьянящее, но лишь на короткий миг, как шампанское. Старый Новый год. Дик никогда не понимал этого странного, нелепого праздника. Но сейчас, отчаявшись отыскать в людской круговерти свою

мечту, он ужасно завидовал людям, самым обычным людям, спешившим использовать еще один шанс встретить новый год. Как будто люди хотели заново переписать, переиначить мечты и желания, загаданные две недели назад. Дик невидимым мимом метался от одного прохожего к другому, заглядывал в их лица, заглядывал в окна припаркованных авто и в светящиеся окна ресторанов, откуда ему улыбались счастливые, неоправданно счастливые лица людей. В эти минуты Дик чувствовал себя бродячей, никому не нужной собакой и изводил себя мыслями о Ворскли. Как могло так случиться, что он ее потерял? Упустил, как воду сквозь пальцы... «А может, она совсем рядом? – вдруг подумал он. – А я ее не вижу и не ощущаю. Вот Нея почувствовала меня, ей и глаза для этого не понадобились, лишь по одному дыханию узнала меня, а я – слепой, бесчувственный чурбан, не способный распознать свою мечту среди миллиардов таких же... Или, может, Ворскли настолько совершенна, что ее не дано разглядеть не только людям, но и другим мечтам? Мне уж точно не дано...»

Мечта мечте рознь, под конец решил Дик. Было без четырех минут двенадцать ночи, когда он зашел в мини-маркет, взял бутылку шампанского и, по обыкновению никем не замеченный, вышел на улицу. Ему тоже хотелось встретить старый Новый год, он сел прямо на ступенях магазина и, с озорным шумом откупорив шампанское, стал пить прямо из горлышка.

- Эй, мужик, чего это ты тут распиваешь? – обратился к нему охранник магазина.
- Хочешь? – вместо ответа Дик протянул парню бутылку.
- Случилось что? – сделав несколько глотков, охранник вернул Дику бутылку.
- Жена ушла из дома. Я искал ее, искал... и заблудился.
- И теперь чего?
- Да ничего. Найду себе другую.
- Вот это правильно!

Они допили шампанское, пожелали друг другу удачи, и Дик, чуть ссутулившись и подняв воротник чужого пиджака, нырнул во вьюжистую староновогоднюю ночь.

Было начало первого, настало время, когда начинают сбываться мечты. Но только не мечта по имени Дик. Подошел к концу срок действия его пакета, он перестал быть мечтой и снова стал прежним Диком – видимым и уязвимым.

Но все же кое-что в его жизни поменялось безвозвратно. Дик вернулся к Нее и стал жить у нее. Он перевез из своего дома в дом Неи некоторые свои вещи, среди которых были высокие сапоги с коваными носками, старый нож и пистолет, еще совсем недавно принадлежавший Берроузу... Так они стали жить вдвоем. Вот тогда Дик и обнаружил в Нее массу интересных качеств и откровенных достоинств. Она продолжала играть на пианино в травмпункте и ухаживала за больными. Держала в доме двух кошек и выращивала лимоны. Но самым большим ее увлечением и страстью, как оказалось, были автомобили. В ее гараже, тоже доставшемся по наследству от отца, как и весь дом, стояли три классных тачки: спортивная, грузовой пикап и семейный минивэн. Но главной гордостью Неи был вороной «Харли-Дэвидсон». Временами Дику казалось, что если б не он, Дик, то Нея наверняка спала бы с мотоциклом, так она была к нему привязана.

Они полюбили по ночам кататься на «Харлее». В Крещенскую ночь они выехали на полупрозрачный проспект и понеслись, куда глаза глядят. На мосту через Лесп им навстречу выскочил джип «Тойота».

– Поворачивай! – заорал Дик Нее, сидевшей за рулем, но девушка даже не подумала сворачивать в сторону. Джип тоже не сворачивал, видать, его водитель оказался маньяком или просто был в стельку пьян. Дик боролся за жизнь до конца, он попытался вырвать руль из рук Неи и вдруг увидел, что она не дышит – с ней случился обморок, а Дик и не заметил.

В последний момент, когда столкновение казалось неизбежным, джип резко затормозил, его повело, крутануло и бросило в сторону парапета моста. «Тойота» снесла совсем свежее

ограждение, установленное в том самом месте, где почти месяц назад попал в аварию Дик, и стала как вкопанная, нависнув передними колесами над ледяной нелюдной рекой.

Дик тоже не справился с управлением, положил «Харлей» на бок, мотоцикл упал, вращая вокруг своей оси, его по инерции протащило несколько метров вперед – и все замерло.

Круг замкнулся, обреченно подумал Дик и, оставив Нею лежать бездыханной на мостовой, кинулся к джипу. На бегу Дик пригнулся, выхватил из-за голенища сапога нож, с которым теперь снова не расставался, – нож блеснул в свете фонарей холодным жалом. Дик вспомнил: у него был еще пистолет, но он решил обойтись без него – с ножом сподручней.

Дик подскочил к машине со стороны водителя и что есть мочи рванул на себя дверцу... За рулем сидел он. Тот, кто выстрелил в его мечту. А рядом сидела та, кого он столько напрасно искал... От неожиданности Дик опешил. Он не верил своим глазам: в джипе были Берроуз и Ворскли.

Однако оцепенение длилось лишь миг. В следующее мгновение Дик приставил нож к горлу Берроуза

– Я убью тебя, сука! Ты испортил мне жизнь!

– У тебя еще его пистолет, – внезапно хладнокровно напомнила Ворскли.

– Да пошла ты!.. – Дик хотел еще что-то сказать, но вдруг почувствовал, как немеет сердце и мутнеет взгляд. – Чертова слабость. За что мне все это?

Ворскли взяла Дика за руку с ножом и отвела в сторону.

– Не надо, Дик, он не заслужил смерть от тебя.

Берроуз обмер, вжавшись в спинку кресла; с немым ужасом он таранился на Дика, готового в любой момент перерезать ему горло. Ворскли погладила Берроуза по дрожащей руке и поцеловала его в мокрый, покрытый испариной лоб, из которого тонкой струйкой сочилась кровь. Она вынула из сумочки носовой платок и промокнула кровь.

– Спокойно, малыш, ты слишком близко все принимаешь к сердцу.

– Близко?! – ослепленный яростью, Дик накинулся на девушку. – Почему ты с ним, почему ты... Променяла шкуру мечты на удобный тампак!

Ворскли не обиделась. В ее взгляде не было ни осуждения, ни жалости.

– Такое у меня предназначение – вытягивать тех, кто в этом особенно нуждается. Идти ради этого на любую жертву... Даже предавать свою любовь и становиться мечтой-амфибией, мечтой-невидимкой...

– Но ты ведь больше не амфибия!

– И для кого-то давно не невидимка. Мечта – это необязательно то, что ты о ней думаешь.

– А что же, мать твою?!

– То, что нужно на самом деле человеку. Помощь, поддержка, забота, любовь, наконец...

Если ты его убьешь, то умру и я. Ведь я жива до тех пор, пока жив он.

– Но почему он?! Ведь первым был я!

– Ошибаешься. До тебя были сотни... тысячи... сотни тысяч тех, кто мечтал. И я была с каждым из них. Пока они мечтали – я была им нужна.

– Но я ведь мечтал, не бросал мечтать, а ты бросила меня!

– Ты сильный, а он – слабый. Ты сам стал мечтой – для нее, – едва улыбнувшись, Ворскли посмотрела поверх плеча Дика. – А я останусь мечтой для него. Может быть, навсегда. Видно, такой мой крест.

– Это он задурил тебе голову?! А ведь он тогда стрелял в тебя и мог убить!

– Он промазал. А бочку разбила я. Изнутри...

– Черт!!

– Ладно, иди. Оставь нас. Лучше позаботься о ней.

Дик не хотел уходить, как заведенный, продолжал упрямо что-то доказывать. Потом приехали скорая и машина ГАИ. Двое в белых халатах, не выпуская изо рта сигарет, подняли Нею на носилки и поставили их в скорую.

Подошел начальник патрульной службы ГАИ, спросил, кивнув на Берроуза.

– Вы знакомы с потерпевшим?

– С потерпевшим? – переспросил Дик. – С ним, что ли? Да, конечно. Я эту сволочь очень хорошо знаю. И ее тоже, – Дик показал глазами на Ворскли, забившуюся в угол.

– Это вы о ком? – офицер проследил за его взглядом и невесело усмехнулся. – Шутите?

– Какие еще могут быть шутки, капитан? – фыркнул Дик. – Я что, полный кретин шутить в такой ситуации?

– Но здесь только один человек, и он – мужчина.

– Не иначе как травматический психоз. Галлюцинации, – безапелляционным тоном заключил врач скорой помощи, незаметно подошедший сзади. Он взял Дика под руку и приказал санитару, сопровождавшему его: – Проводите молодого человека к машине.

Бормоча что-то себе под нос, Дик послушно побрел за врачом и санитаром. Накатила дикая усталость, Дик ссутулился, вжал голову в плечи. Сделав шагов десять, он не выдержал, обернулся – Ворскли продолжала глядеть на него, не мигая, словно ожидала увидеть в нем разгадку какой-то тайны.

«Галлюцинации... Я вижу ее, а другие – нет, – вздохнув, Дик отвернулся. – Выходит, она меня опять обманула. Улизнула, обвела вокруг пальца, как последнего мальчика... А впрочем, Ворскли осталась самой собой. Это я не исполнился, не воплотился ни во что, лишь приблизился на шаг к своей мечте. Недостижимой, как и прежде...»

Дика усадили в скорой, и в тот момент, когда за ним собирались захлопнуть дверцы, со стороны парапета донеслись взволнованные крики, а мгновением позже снизу раздался резкий, тяжелый всплеск воды. На краю моста поднялся сущий переполох, врач и санитар, бросив Дика, помчались туда. Дик тоже вылез из машины, но, ступив три шага, остановился. У него не осталось ни сил, ни воли куда-либо бежать. Наполовину оглушенный, наполовину потерянный, он и без того знал, что стряслось. Это рухнула с моста «Тойота», унося на дно холодной реки его извечного врага и несбывшуюся мечту...

– Эй, не бери в голову! Теперь все позади, – позвал Дика знакомый голос. Это была Нея. Она выбралась из скорой следом за Диком и стояла в шаге от него. Вид у нее был как у победительницы: с левой щеки содрана кожа, рана кровоточит, сама едва держится на ногах – а глаза сияют!

– Все кончено, – сказал Дик и махнул в сторону поломанного ограждения, возле которого столпились люди.

– Нет, все только начинается, – мягко возразила Нея. – Только избавься от прошлого, и сразу станет легче.

Она нетвердо шагнула к нему, тут же покачнулась и стала оседать на бок, но Дик вовремя подхватил ее на руки. И когда девушка уже была в его объятьях, она запустила руку ему за пазуху и выкинула прочь пистолет Берроуза.

Тень слона

Мари была ужасной мещанкой.

Жена Михаила была помешана на постельном белье с рюшами и на кристальной чистоте, считала, что самое главное в жизни жены и матери накормить мужа и ребенка; для пушего уюта разводила комнатные цветы, окуривала дом ароматными свечами, а месяц назад, начиная с новогодней ночи, стала собирать слоников. Мари искренне полагала, что слоновые, бронзовые, мраморные и даже деревянные фигурки слоников придадут спокойное очарование их жилищу и укрепят в нем мир.

Она же и нарушала этот мир. Мари была вспыльчивой, нередко вздорной молодой особой, крайне темпераментной и склонной к перемене настроения. Она любила заниматься любовью с мужем и могла отказывать ему в сексе неделями. Она любила выходить с Михаилом на люди – в театр, филармонию или, на худой конец, в его треклятый бар «Полонез». Но бывало запиралась в своей комнате, отказывалась готовить обед и купать Сему и часы напролет валялась на кровати, уставившись в телевизор.

В один из таких дней Михаил как раз вернулся со смены, ночь прошла напряженно, нервно, он чертовски устал, был как волк голоден и зол, но Мари даже не пошевелила рукой, не повернула к нему головы и не обронила слова. Хоть бы выругалась, сука, поморщился про себя Михаил. Потный, грязный, проигнорировав душ, он грубо подмял под себя жену, она пыталась вырваться, кричать, но он так придавил ее, что у нее не осталось ни единого шанса не кончить в один миг с ним... Отдышавшись и приняв душ, Мари закатила скандал, Михаил впервые ударил ее, а к вечеру у Семы поднялся сильный жар. Мальчик побледнел, заметно ослаб и стал бредить.

Супруги, не мирясь, замолчали, заговорили о чем-то бессвязным, извиняющимся тоном. Мари дала сыну лекарство и принялась окуривать квартиру.

– Что за дрянь воняет? – недовольно повел носом Михаил.

– Сам ты дрянь, – огрызнулась Мари. – Это смесь трав, которую я делаю сама из шалфея, полыни, зверобоя и можжевельника. Дым от них очистит наш дом от энергетической паутины и поправит здоровье Семочке.

Она потушила в детской люстру, оставила включенным лишь ночник, горевший на тумбочке в изголовье кровати. На тумбочке, помимо лампы, стоял еще стакан с водой, лежал градусник и были разбросаны пластинки с таблетками. В стакане рыбьим глазом поблескивал серебряный перстень Мари, доставшийся ей в наследство от предков Иштлильтона – ацтекского бога здоровья. На этот перстень женщина рассчитывала больше, чем на лекарства, веря в них так же слабо, как в то, что земля круглая.

Около часа ночи Семе стало хуже: он начал метаться, бредить вслух, температура зашкалила за 39 – а на стене, вдоль которой стояла его кровать, появились тени.

Первым их обнаружил Михаил.

– Гляди, твои слоны.

– Нет, – приблизив лицо к стене, покрутила головой Мари. – Не похожи. Здесь два слона, а у меня их уже пять.

– Ты проверяла?

Мари подошла к книжной полке, где стояли фигурки слонов, пересчитала их и утвердительно кивнула: – Слоны все на месте.

– Да я так сказал... Надо ж как-то объяснить это наваждение.

– Чего захотел. Это не для среднего ума, – не глядя на мужа, ухмыльнулась Мари. – Я сейчас.

Она сходила в их с Михаилом комнату, порылась в комоде и вскоре вернулась с полотняным мешочком и курительной трубкой. Развязав мешочек, она взяла из него щепотку сушеной травы и принялась набивать трубку.

– А может, эта твоя вонючая трава... того?

– Чего того?

– Ну, вызвала эти глюки? Тени слонов – такого у нас еще не было.

Набив трубку, Мари раскурила ее, затянулась и, низко-низко наклонившись над больным ребенком, выдохнула дым ему в лицо.

– Ты чего, совсем спятила?! – Михаил оттолкнул жену от сына, попытался отнять у нее трубку. Но Мари сама вдруг протянула ему трубку.

– На, затянись. В душе твоей не меньше энергетической пыли, чем снаружи.

Михаил медлил. Тогда Мари затянулась в другой раз, кошкой прыгнула мужу на грудь и – он опомниться не успел, как она припала губами к его губам и отдала ему весь дым без остатка.

Михаил ничего не почувствовал. Ровным счетом ничего. Но у теней слонов произошла явная перемена: они ожили, задвигались и, задрвав кверху хоботы, беззвучно затрубили. Стена приобрела перспективу и глубину, на ней обозначились очертания редких деревьев и кустарника, остальное пространство, как по мановению волшебной палочки, покрылось колышущейся от ветра растительностью: громадная бескрайняя тень таинственного растительного покрова, волнуясь и перекатываясь, подобно морю, настойчиво вливалась в сознание людей.

– Это что? – почувствовав вкус крови во рту, спросил Михаил.

– Тень саванны, – не в силах отвести глаз от чудесной картинки, ответила Мари. – Не видишь, что ли?

– Я о том, что на горизонте, – несколько озабоченный, Михаил указал на линию на стене, которую и вправду можно было бы назвать горизонтом. Там происходило что-то непонятное, с первых мгновений вызвавшее у Михаила беспокойство и тревогу. Поначалу нарисовались какие-то завихрения, которые уже спустя несколько мгновений стали рвать в клочья тень саванны, безудержно закручиваясь в спираль и разрастаясь в размерах. И вот уже юла, мрачная, черная, растущая, будто на дрожжах, устремилась к тому краю саванны, где паслись тени слонов.

– Это – смерч, – после минутного молчания наконец заключила Мари. – Самое страшное, что он сейчас будет здесь.

– Как здесь? – опешил Михаил.

Мари не отвечала. Как загипнотизированная, она смотрела на слонов, которых охватила паника. Слоны стали метаться из стороны в сторону, но вскоре смерч, настигнув их, поглотил их, словно песчинки. А в следующее мгновение смерч ворвался в детскую. Он не стал кружить и крушить все вокруг – лишь подхватил трех людей и унес с собой. В царство теней...

Стоило этому произойти, как тени на стене тут же исчезли.словно кто-то выключил невидимый кинопроектор. Детская мигом опустела, наступил долгожданный покой.

Люди превратились в тени, слоны так и остались тенями. Мари странным делом удавалось узнавать в двух тенях мужа и сына, а в других – слонов. Но уже в скором времени – Мари упустила момент, когда это случилось – к сумрачным призракам вернулись знакомые черты: тени Миши и Сени счастливым образом перевоплотились в родных и близких ей людей. А чужие, незнакомые тени слонов ожили, материализовались, обрели форму и телесность и превратились в десяток слонов – грозных с виду, но мягких в обращении. Особую симпатию к людям проявлял совсем юный слон, видно, еще подросток. С первых же мгновений он попытался подружиться с Семей и, чтобы развлечь его, ловко ловил хоботом диковинных бабочек, которых в саванне было видимо-невидимо.

От стада отделились два слона – один чуть меньше другого и с виду немного болееобразней – и приблизились к людям.

– Нам нужна ваша помощь, – произнес слон, бывший поменьше: по голосу было слышно, что это самка. Слониха продолжила, обращаясь теперь больше к Мари: – Вы как мать наверняка поймете меня. Наш младший сынок в опасности, он угодил в яму. Мы, слоны, сильные и храбрые животные, но перед такой неприятностью оказались бессильными. Выручите нас, спасите нашего сыночка.

Вокруг было тихо, казалось, саванна замерла в ожидании либо новой бури, либо спасительного перерождения. Но Мари прекрасна понимала слоницу. Слушая ее сбивчивую, эмоциональную речь, неведомо как проникшую в голову женщины, Мари едва не расплакалась. Этой ночью она чуть не потеряла сына, который мог сгореть от смертельной температуры; она была по-прежнему возбуждена и восприимчива к любой угрозе смерти, в особенности, если эта угроза была направлена на жизнь ребенка.

– Конечно, мы вам поможем, – поспешно кивнула Мари и, ища поддержку в словах мужа, посмотрела на него умоляющим, почти щенячьим взглядом. – Ведь правда, дорогой?

Ни слова не говоря Михаил пошел за слонами, Мари с Сеней потянулись за ним.

Саванна продолжала сохранять тишину; в ней было много хищников – львы, гепарды, шакалы и гиены встречались через каждые пятьдесят-сто метров. Занятые своей заповедной жизнью, они не смотрели в сторону странной колонны, состоявшей из девяти слонов и трех человек – не только у хищников, но и у всех, кто населял саванну: антилоп, быков, коз, зебр, жирафов, обезьян, страусов, носорогов – были свои дела и заботы. Здешний животный и птичий мир не был слеп или бездушен – просто он жил той жизнью и придерживался тех древних обычаев, которые много лет назад завели его далекие предки, а в будущем неминуемо должны были перенять потомки.

Наконец путники прибыли к цели своего путешествия.

– Там наш слоненок! Спасите его! – ступив на край глубокой ямы, из которой веяло неземным холодом, стала по-человечески всхлипывать слониха.

Внизу что-то темнело, но не двигалось, будто там был камень, а не живое существо. Придавленная с одного конца громадным булыжником вниз свешивалась тростниковая лестница. Тонкая, шаткая, сплетенная словно не из травы, а из солнечных лучей, лестница не внушала доверия.

– Веревка непрочная, хлипкая, не выдержит ни тебя, ни меня, – поглядев на нее, сказала Мари.

– Да уж, – вздохнул Михаил и безотчетным движением погладил сына по макушке. Волосы на его маленькой головке нагрелись и стали еще нежней и мягче, чем прежде.

Прислушиваясь к разговору людей, слоны как по команде повернули головы к мальчику; Мари тут же спохватилась – догадавшись, о чем думают слоны, она заслонила собой сына.

– Он еще очень маленький, он... – закричала она, всхлипывая так же, как минуту назад плакала слониха. Мари стало страшно за сына, хотя она знала наверняка, что участь ее маленького Семы уже решена.

– погоди, Маш, – Михаил неожиданно отстранил жену от сына и развернул ее к Семе. Поглядев поверх его светлой головки в светлую даль, он произнес чуть дрожащим голосом: – Здесь все по-другому. Ведь это не саванна, а что-то такое, большое и невообразимое, чье имя мне неизвестно. Пока – неизвестно. Но главное, Маш, это наш сын. Его же не узнать! Гляди, как он подрос, повзрослел прямо на наших глазах. Я уверен, Сема справится, он сможет помочь... Надо только в него поверить и дать ему шанс...

Мари хотела что-то сказать, но слова застряли у нее в горле, на глаза вновь навернулись слезы, они застлали собой белый свет, скрыв от нее сына. Пока она утирала слезы, Сема повернулся лицом к матери и отцу, поставил ногу на первую ступень, махнул родителям и, пошатнувшись, сорвался вниз. Он наверняка бы упал, если б не молодой слон, отныне не отходивший от своего нового друга: в тот момент, когда Сема оступился, слон тоже был рядом. Он

на лету поймал мальчика и помог ему снова забраться на лестницу. Отдышавшись, улыбнувшись перепуганной матери, Сема начал спускаться вниз.

Его не было минут десять. Слоны и люди заглядывая в яму, в беспокойной немоте наблюдали за тем, как Сема ходит вокруг слоненка.

Встав на колени на краю ямы, Мари зачем-то водила рукой из стороны в сторону, словно приветствуя или наоборот навсегда прощаясь с сыном. Волосы упали ей на глаза, мешая смотреть, но вот подул ветер и невидимой рукой отбросил волосы. В тот миг лицо Мари было прекрасно, как никогда, несмотря на мучившую ее тревогу и беспокойство.

– Будь осторожен, ребенок, будь осмотрителен, мой мальчик! – как заклинание бормотала она. – Ой, я обронила свой перстень!

Прижав пустую руку к груди, Мари неуклюже отползла прочь...

Выбравшись наконец из ямы, Сема с опущенной головой прошел мимо слонихи и с растерянным видом остановился против слона-отца. Вскинув на него заплаканные глазенки, он протянул слону руку, зажатую в кулачке.

– Мой перстень!.. не удержавшись, воскликнула Мари, но ребенок даже не повернул в ее сторону головы.

Когда он разжал пальцы, все увидели на ладони мальчика крошечный бивень.

– Мой сын – он умер!

Тишину саванны разорвал отчаянный, иступленный трубный рев слона. Убитая внезапным горем слониха желала умереть здесь и сейчас. Она бы наверняка прыгнула в яму к сыну, если б не неожиданный, странный поступок ее мужа. Слон вдруг обвил хоботом талию мальчика, подхватил его, как пушинку, и одним точным движением усадил себе на спину. Ветер заметно усилился, гнул к земле траву и безнаказанно ерошил волосы на голове ребенка.

– Мальчик останется с нами, – твердо сказал слон, не обращая внимания на поднявшийся ветер.

– Нет, вы не поступите так с нашим сыном, – предостерегающим тоном заявила Мари; щеки у нее побледнели, глаза, напротив, загорелись – но тут же померкли. – Вы слышите? Почему вы молчите?!

– Мой муж хочет, чтобы человеческое дитя осталось в стаде, – глухим голосом объяснила слониха. Она решительно встала между людьми и слоном, на чьей большой сильной спине кротко покоился мальчик.

– Твой муж... растерянно повторила Мари. В следующую секунду она была вне себя от ярости. – Твой муж!!

Она закричала, но ветер тут же разнес ее крик по саванне, словно пепел. Тогда Мари перевела гневный взгляд на Михаила. Не проронив ни слова и даже не попытавшись вступить за сына, он, как замороженный, глядел в сторону горизонта, откуда в их сторону шла черная туча.

– Через минуту здесь будет буря страшнее той, что принесла нас сюда, и тогда... тогда у нас есть шанс, – думая о чем-то своем, пробормотал он. Затем, с трудом скрывая охватившее его возбуждение, обратился к слону, забравшему у него сына: – Если вы отдадите нам Сему, мы спасем вашего старшего сына. Мы заберем его с собой в наш мир. Обещаю.

Под напором ветра трещали ветки одиноких деревьев, в лица людей и слонов летели пучки травы и комья земли.

Слониха переменялась. Приближавшийся ураган, казалось, отвлек ее от душевной боли. Смирненно поникнув головой, слониха втянула хоботом землю и высыпала ее в яму. Потом еще раз, еще... Ее муж, большой сильный слон, и все остальные слоны последовали ее примеру. Глядя на них, люди тоже стали бросать горсти земли в яму. Хоронили маленького слоненка.

– Мы тоже погибнем, – прошептала Мари, когда яма была засыпана, а ветер нещадно хлестал ее по щекам. Но женщину никто не услышал.

– Мы согласны! – рядом протрубила слониха-мать, и ее тоже никто не услышал.

Лишь слон не растерялся – он бережно перенес хоботом Сему со своей спины на спину молодого слона и одним взглядом больших мудрых глаз простился с сыном:

– Спасите наше старшенького.

Слониха торопливо протянула хобот к сыну и, отыскав его хобот, в коротком отчаянии сжала его.

Едва они успели проститься, как подоспевший ураган, сметая все на своем пути, поглотил зверей и животных...

На столе в детской тускло горел ночник, а в стакане, как ни в чем не бывало, поблескивал перстень Мари.

– У нас не все слоны, – уложив сына в кровать, озабоченным тоном заметила женщина.

– Как не все? – не поверил Михаил. Он подошел к полке, где стояли фигурки слонов, и стал добросовестно их пересчитывать: – Один, два, три... И вправду четыре... А-а, вот же он – пятый!

Счастливый, Михаил достал пятого слоника из-за книг, куда он ненароком завалился, и вернул его в игрушечное стадо.

– Я не об этих слонах! – Мари вдруг безжалостно смела фигурки слонов на пол. – Ты знаешь, о каком я слоне.

– Так... тебе это тоже... привиделось? – обомлел Михаил. – Но это же были глюки. Чистой воды глюки!

– Не смей! – нервно взвилась Мари, отчего Сема в испуге дернулся и заплакал. Мари склонилась над ним, тут же перестав гневаться. – Не плачь, малыш. Мне тоже страшно и обидно, что мы не спасли тех слонов. Ты очень старался, не побоялся спуститься в яму, а они такие маленькие: один, наверно, такой, как ты, малыш, а другой уже подросток – таким ты скоро станешь, когда чуть-чуть подрастешь.

– Я помню его, мама, помню! – взволновано закричал Сема и, будто распрямившаяся пружинка, вскочил на ноги, да так и замер, стоя на кровати. – Он катал меня на спине. Неужели я его никогда больше не увижу?

– Все, довольно. Это просто невыносимо! – Мари схватилась одной рукой за живот, другой прикрыла глаза, затем, неожиданно пошатнувшись, опустилась на кровать возле Семы.

– Что? Что с тобой?! – Михаил бросился к жене.

– Не кричи на меня...

– Тебе плохо?

– Мне... наверно, хорошо... – приподняв чуть голову, Мари улыбнулась мужу одновременно робко и торжествующе, как улыбалась ему лишь однажды. – У нас, кажется, будет ребенок.

Вздвигнув, Михаил опустился перед ней на колени, прижался щекой к ее животу; Сема порывисто обнял маму за шею.

Так они и сидели, обнявшись, ни слова не говоря, освещенные светом своих улыбок и ночной лампы. От них на стену падала большая серая тень – одна на всех. В какой-то момент показалось, что тень похожа на слона... Но вот лампа мигнула, и наваждение исчезло.

Белый чай

Часов в девять Мари обнаружила, что нечем кормить Тиму – ее младшенького. Тиме пошел всего четвертый месяц, но грудь он брал плохо, поэтому приходилось докармливать.

Ей очень не хотелось этого делать, но другого выхода не было. Поэтому Мари, пересилив свою гордость и прикрыв глаза, зная наперед, что сейчас ответит ей муж, сказала немного усталым голосом:

– Миша, сходи за детским питанием.

– Почему не Карина? – недовольным тоном отозвался из гостиной Михаил.

– Няня не может. Отпросилась... Стряслось у нее что-то.

– Вечно у нее все не как у людей, – проворчал муж, накидывая на себя в прихожей куртку.

Протянув ему деньги, Мари кошкой потерлась о его плечо и вкрадчиво промяукала:

– Рядом с детским питанием мебельный магазин. Зайди, посмотри, что у них новенького.

– Это еще зачем?

– Семе нужен стол для занятий. Хватит ему уроки на кухне делать. И кровать ему нужна новая. Из этой он уже вырос, как из детских рейтуз.

– Не знаю, – вскинув руку, Михаил посмотрел на часы: до футбола оставалось меньше сорока минут. – Будет время, зайду.

Магазин детского питания находился в двух кварталах от их дома.

На перекрестке сломался светофор, автомобили осторожно, словно боясь наехать на мины, проезжали вперед или поворачивали вправо-влево, поминутно оглядываясь, люди торопливо переходили дорогу, и лишь одна старушка, сторбленная и сухая, казалось, целую вечность топталась у пешеходной «зебры», не в силах решиться ступить на мостовую.

– Предъяви флаер и получи вместо одного билета в цирк сразу два! – возникнув перед ним, как из-под земли, прокричала вдруг девушка в клоунском колпаке и грустными глазами. Она протянула ему рекламный лоскуток и исчезла.

– Мне только цирка не хватало, – буркнул Михаил и автоматически засунул флаер в карман.

Он огляделся по сторонам. Автомобили продолжали беспорядочно сновать туда-сюда, точно молекулы, заиклившись в броуновском движении, а маленькая старушка все так же стояла на краю тротуара, остерегаясь перейти вброд реку машин. «Чем тебе не цирк, грустный и чужой?» – невесело подумал Михаил, с какой-то тайной надеждой рассматривая старую женщину, будто пытаясь отыскать в ней хоть малейшее сходство со своей матерью, почти в тысяче километрах живущей отсюда...

Ему тоже было на ту сторону улицы, и он решил заодно перевести туда бедную старушку. Та вдруг оказалась очень разговорчивой и плаксивой. Вцепившись в рукав Михаила, она с мокрыми от слез глазами поведала ему жуткую историю своей семьи: у 73-летнего мужа рак простаты; у младшей дочери, прожившей всю жизнь вместе с ними и так и не вышедшей замуж, месяц назад удалили желчный пузырь, а вчера она вдобавок ко всем несчастьям сломала палец на ноге; старший сын полгода как безработный, жене его это не понравилось, и она выставила его из дому, а летом он ехал в той самой маршрутке, в которую врезался китайский джип, убивший двух пассажиров и покалечивший восьмерых (одним из пострадавших оказался ее старший сын: он все оставшееся лето и осень лечил гематому на позвоночнике); а ей самой уже 72, перенесла три инсульта, после последнего так и не смогла до конца оправиться...

Пробормотав старушке на прощание что-то вроде «на том свете вам зачтется», Михаил хотел было бежать дальше, но прилипчивая старушенция удержала его за рукав.

– Эти тебе, милок, за труды твои, – сказала она и неловким движением сунула ему руку в карман. – Эй, да у тебя тут что-то уже есть. Повернись-ка другим боком!

– Да какие уж там труды, бабушка, – попытался отказаться от вознаграждения Михаил и тоже полез в карман, чтобы вернуть деньги.

Но старушка вдруг проявила твердость и как маленькому разъяснила ему:

– Конечно, труды, а то как же? Выслушать такое, как я тебе рассказала, не каждому молодому и здоровому будет под силу. А ты ничего, сдюжил, не поморщился и не бросил меня посреди мостовой... За то тебе, милок, скромное мое вознаграждение. Не побрезгуй им и, что бы ни случилось, береги как зеницу ока. Если же дар мой не придется тебе по душе иль надоест хуже горькой редьки, прошу тебя, милок, не выбрасывай его, а прибереги для того, кто без моего дара никак не обойдется...

Сказав так, старушка повернулась к нему спиной и, не оборачиваясь, неожиданно резво заковыляла вверх по улице, а Михаил пошел вниз. Метров восемьдесят от пешеходного перехода находился магазин детского питания. Перед тем как войти, Михаил неловко улыбнулся каким-то своим мыслям, запустил руку в карман, но вместо бумажной купюры вынул помятый пакетик чая.

– Вот ведьма! – невольно вырвалось. – Совсем с ума спятила!

Огляделся и, не найдя поблизости урны, сунул пакетик назад.

В магазине Михаил долго не задержался. Купив баночку с питанием, он положил ее в куртку и поспешил домой, напрочь позабыв о просьбе Мари заглянуть в мебельный салон.

Ожидая лифта, Михаил то и дело поглядывал на часы: футбол уже начался.

Поднявшись на свой этаж, он пулей влетел в квартиру, разделся и, забыв вынуть из куртки детское питание, сразу же помчался в гостиную, где стоял телевизор.

– Пап, ты купил мне что-нибудь вкусненькое? – донесся из детской голос старшего сына.

– Сема, не кричи. Тиму разбудишь, – приструнила его Мари. – Отец тебя все равно не слышит

И правда, включив телевизор и найдя нужный канал, Михаил тут же с головой погрузился в игру. Он всегда болел так азартно и увлеченно, что Мари, ревнуя его к футболу, мысленно обещала переспать со всеми игроками, если он этой же ночью не забьет ей как минимум три пенальти...

«А питание? Он хоть не забыл его купить?» – забеспокоилась она. Попросила старшего:

– Посмотри у отца в куртке питание.

Положив на колени планшет, Сема во что-то играл – Мари не присматривалась, – поэтому ей пришлось повторить просьбу. Она бы и не просила, если бы в этот момент не проснулся Тима. Мари поднесла его к груди, он немного почмокал и снова уснул. Но Мари знала, ненадолго. Без питания ей никак не обойтись.

– Семен, почему я должна повторять дважды?

Сема нехотя отложил планшет в сторону, прошлепал в коридор, отыскал в отцовской куртке баночку с Тимкиным питанием и в том же кармане нашел пакетик с чаем. Мальчик хотел было положить его на место, но тут заметил на свободном конце нитки, привязанной к пакетику, картинку с трехглавым драконом. Сема обожал разные фильмы и сказки про драконов, поэтому, отдав матери питание, отправился на кухню заваривать чай.

Чай оказался совершенно белый, верней, вода в чашке, несмотря на пакетик с чаем, осталась прозрачной, лишь приобрела едва приметный белесый оттенок. Сема поколотил ложечкой в чашке, но от этого ровным счетом ничего не изменилось – чай темнеть не собирался. Пожав плечами, Сема тут же потерял к нему интерес и побежал в свою комнату, чтобы продолжить игру.

Мари дождалась перерыва в футбольном матче и вошла в гостиную. Сидя в кресле перед телевизором, заполненным рекламными роликами, Михаил в ожидании второго тайма просматривал свежие газеты.

Остановившись в двух шагах от него, Мари вдруг замялась. Если бы в этот момент Михаил не был погружен в чтение, он бы наверняка отметил это необычное состояние жены, которое ей совсем не было свойственно.

– Я должна тебе кое-что сказать, – наконец начала она, тут же запнулась и, шмыгнув носом, прямо как Сема, отрывисто закончила: – Мне нужны деньги.

– Мы не будем сейчас покупать никакую мебель, – не отрывая взгляда от газеты, отрезал Михаил. – Даже для Семы.

– Почему?

– Потому что мне задерживают зарплату.

– Но ты же таксист!

– Ну и что с того? Теперь всем задерживают, – нехотя подняв глаза от газеты, заявил Михаил. – И таксистам тоже.

Услышав эти слова, Мари мигом стала сама собой. Недовольно фыркнув, она выбежала из комнаты. Минуту спустя из кухни раздался ее раздраженный вопль:

– А это еще что за пойло?!

– Вот черт! – Михаил в ярости двинул кулаком по газете и едва сдержался, чтоб не скомкать ее. – Не даст ведь посмотреть!

Он влетел на кухню с перекошенной от злости физиономией.

– Ну, что там еще?

– Вот, – Мари держала на весу пакетик чая, который принес Михаил. С пакетика капала на стол бесцветная жидкость. – Откуда он взялся?

– М-м, я принес...

– Ты что, стал сверхскупым занудой? С каких это пор ты носишь с собой пакетики со спитым чаем? Лучше б ты зарабатывал!

Казалось, Мари решила взять реванш за некупленную мебель и легко воспользовалась для этого первой же возможностью, которую ей дал муж.

– Два часа назад мне его одна старуха сунула, попытался объяснить Михаил.

– Какая еще старуха?

– Ну, светофор перед рынком сломался, а там, сама знаешь, какой поток машин, вот старушка и перепугалась до смерти, а я, значит, помог ей перейти на ту сторону...

Мари с молчаливой враждебностью уставилась на мужа. Не выдержав ее взгляда, Михаил опустил глаза.

– Знаешь, я тут ни при чем. Это у нее крыша поехала, если она вместо денег мне эту дрянь в карман засунула.

– Что я слышу? – зашипев, Мари снова пошла в наступление. – Ты стал помогать людям? Как с твоей стороны благородно!

– Да разве это помощь? Фигня, а не помощь. Просто перевел старого человека через улицу, вот и все.

– Так тебе, видишь ли, можно помогать, а мне – нет?! Я раз в жизни попросила на это деньги, а ты!

– Постой, – от такого признания Михаил явно опешил. – Ты не говорила о помощи. Ты сказала, что хочешь новую мебель для Семы.

– Да, я так сказала... Соврала. Деньги нужны совсем для другого.

– Для чего, если не секрет?

– Чтобы купить Тарасу лекарство.

– Какому еще Тарасу? Мужу нашей нянечки, что ли?

– Да.

– Так он же вляпался со своей стачкой! – невольно вспылел Михаил.

Мари отвернулась, пряча от мужа глаза, на которых предательски выступили слезы.

– Я знала, что ты не дашь денег Тарасу, поэтому придумала про мебель!

Она секунду помолчала, словно набираясь злости и отваги. И, так же отвернувшись, закричала что есть мочи:

– Я знаю, что ты ненавидишь всех, кто поддерживает стачку!

Мари в сердцах швырнула пакетик назад, в чашку.

– Во-первых, перестань на меня орать! – взревел в ответ Михаил. В детской в тот же миг заплакал Тима, а следом донесся обеспокоенный голос Семы, звавшего мать. Мари устремилась к младшему, но Михаил вдруг крепко удержал жену за локоть. – Дай сказать. Я никого не ненавижу... Тима открыл мне глаза на все это... Ты помнишь, как я один раз ходил на стачку, потом еще рвался, как поддерживал ребят, которые оттуда не вылезали... Я им денег давал, но ты об этом не знаешь... А когда начали стрелять и погибло больше ста человек и половина из них совсем пацаны... я и тогда верил, что другого пути нет. Но вот родился Тима, и я вдруг представил себе: вот он вырастит, превратится в стройного, красивого юношу и однажды отправится на стачку. Где его могут так же... напрасно убить, как тех пацанов. Как только я так подумал, так сразу взглянул на стачку другими глазами. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – кивнув, Мари мягко высвободила из его руки свой локоть. – Чего тут не понять?

Осторожно, двумя руками она взяла со стола чашку, будто это была не чайная, а какая-то ритуальная чаша, да так и замерла с ней, совершенно не зная, что делать.

– А Тарас не успел так подумать, – задумчиво проговорил Михаил. – Или не захотел. И потому его подстрелили. Где он сейчас?

– В областной больнице. Там таких, как он, еще человек семнадцать... И все без лекарств.

– Понял. Попрошу кредит у директора.

– Кредит?

– Шучу. Попрошу, чтоб мою кровную зарплату выдали вовремя.

Взглянув на Мари, с усмешкой заметил:

– Что ты встала с чашкой? Вылей, может, там яд!

Мари посмотрела в чашку, словно могла взглядом определить, яд в ней или нет. Вода внутри была по-прежнему прозрачной, чуть белесой.

– Говорю же – вылей!

Снова заплакал Тима, и Михаил повернулся, чтоб выйти, как Мари окликнула его – испуганно и тревожно:

– Ой, здесь какой-то песок! Нет, камни!

Она слила в мойку никудышный чай, и теперь на дне чашки поблескивали камушки размером с рис. Камни были абсолютно прозрачными.

– Как они здесь оказались? – обомлел Михаил.

– Это – бриллианты, – пропустив его вопрос мимо ушей, уверенно заключила Мари.

– Что ты несешь?

– Ты забыл, что я родом из индейского племени оджибве! Мои предки были алмазоискателями...

– Стоп! – поднял руку Михаил. – Я знаю, кто нам поможет. Где мой телефон?

Михаил набрал Дика.

– Привет, дружище! Ты можешь приехать?.. Да, есть срочное дело.

Когда Дик вскоре примчался, Михаил показал ему странные камни, которые он высыпал из чашки на чайное блюдце.

– А чего ты меня позвал? – удивился Дик. – Я ведь в этом ни бум-бум.

– Ты однажды рассказывал, что у тебя есть знакомый ювелир, вот я и подумал...

– А-а, ты о Борисе, что ли? Точно, он поможет. Поехали!

Мастерская, где работал Борис, находилась в тихом укромном уголке города, среди старых построек и заброшенных садов. Найти ее непосвященному человеку практически было невозможно, будто в мастерской не украшения делали, а какое-то тайное оружие.

Борис высыпал удивительные камушки на чашку весов, долго их разглядывал в увеличительное стекло, а под конец взвесил.

– Откуда у вас такое богатство? – не скрывая своего изумления, спросил он. – Банк ограбили, не иначе.

– Да вот... – не зная, что сказать, невнятно пробормотал Михаил.

– О, это очень длинная история! – решив поддержать друга, воскликнул Дик, понятия не имевший, откуда у Мишки столько алмазов.

– Длинная? – сразу напрягшись, переспросил Борис. – Придется ее мне рассказать, потому как...

Борис растерянно смолк, уставившись потрясенным взглядом на камни: прямо на его глазах они ужасно потемнели, утратили восхитительный блеск и прозрачность, постепенно превратившись в нечто, схожее на черную гречку.

– А это еще что за фокус? – Борис повернулся лицом к Дикю – глаза ювелира яростно сверкали, как минуту назад бриллианты. – Дик, ты кого мне привез?! Шулеры!

– Да ты сам, знаешь, кто?! – заорал в ответ Михаил. Он был потрясен не меньше от того, во что вдруг превратились прозрачные камни. – Я хотел человеку помочь, а твои дрянные весы все испортили!

Толкнув Бориса, он смел с весов в ладонь черные камни и, прикрикнув на жену, вылетел вон из мастерской. Дик, шепнув Борису несколько слов, бросился вдогонку за Михаилом.

– погоди, так это правда были бриллианты?

– Да пошел ты вместе со своим дружкой!..

Дик разочарованно махнул рукой и повернул к мастерской, а Михаил, все больше нервничая и злясь на себя, зашагал прочь. Мари едва поспевала за ним, умоляя его успокоиться и не идти так быстро. Неизвестно, сколько бы еще пришлось ей бежать за мужем, если б вскоре они не уперлись в тупик, образованный полуразрушенным дощатым сараем и двумя ветхими заборами.

– Миша, довольно. Я больше так не могу, – взмолилась, вконец запыхавшись, Мари. – Вызови, пожалуйста, такси.

Пока ждали такси, Михаил не сдвинулся с места, с изумлением разглядывая потрескавшуюся сверху донизу и оттого похожую на древнюю карту сокровищ дверь сарая.

Наконец машина подъехала. Михаил сел возле водителя, а Мари – на заднем сиденье. На полпути ей позвонили.

– Да, я слушаю... Хорошо, дома расскажешь. Мы скоро будем.

Повернувшись вполоборота, Михаил вопросительно посмотрел на Мари.

– Это Карина звонила, – пояснила она. – У нее для меня есть новость.

Карина была дома. Тщательно возя мокрой шваброй по линолеуму, она наводила в квартире порядок. Нянечка совмещала в себе несколько полезных профессий: уборщицы, кухарки и гувернантки. Не поздоровавшись с ней, Михаил кинулся на кухню: на столе ничего, в мойке тоже. Тогда он полез в ведро, стоявшее под мойкой, – ведро было тоже пустым. Не считая чистого, в белый горошек, – странная причуда Мари – мусорного пакета.

– Где мусор, Карина?! – чуть не взвыл от досады Михаил.

Нянечка не удостоила его даже взглядом – ведь зарплату ей платила хозяйка.

– Мари, спроси у нее!

– Довольно истерить, – невесело ухмыльнулась жена. Подойдя к нянечке, она ласково спросила. – Ты выбросила мусор в мусоропровод?

– Да.

– А пакетик с чаем? Тоже выкинула?! – снова закипел Михаил.

Встретившись недоуменным взглядом с Мари, Карина пожала плечами. Затем неожиданно снизошла до разговора с хозяином.

– Я не запоминаю ваш мусор, – холодно сказал она.

– Что ты такое говоришь?! Я же ради тебя стараюсь, ради Тараса... – смутившись, начал оправдываться Михаил. Он полез в карман, достал горсть мелких черных камушков и высыпал на кухонный стол. – Они были другими, поверь! Карина, я хотел, чтоб они достались Тарасу, но они были другими. Настоящими!

Обреченно махнув рукой, Михаил выбежал вон из дома.

– Миша, куда ты? Не надо уже никуда бежать! – вдогонку мужу закричала Мари, но Михаил ее не слышал – в его голове вдруг отозвались эхом слова старушки, которую он перевел через дорогу: «Что бы ни случилось, береги мой дар как зеницу ока...»

Ему не хватило терпения дождаться лифта, и он, по-мальчишески перепрыгивая через две ступени, сбежал по лестнице вниз. Выскочив из подъезда, метнулся к тому месту, где стояли контейнеры, в которые ссыпался мусор из мусоропровода. Бросился суматошно и жадно, как бомж, рыться в мусорных пакетах, пока не нашел свой – в белый горошек. Выдернул пакет из бака, торопливо высыпал все на землю и стал перебирать каждую бумажку, каждую коробку, каждый пакет... Наконец нашел то, что искал. Вот он – старухин пакетик чая, целый и невредимый!

Сжав его в руке, как околтелый, помчался назад. В один миг взлетел на седьмой этаж, благо лифт оказался свободен, – и как вкопанный стал на пороге кухни.

– Мари, я нашел его! – радостно залепетал он, не решаясь пройти вперед. Попросил, все больше волнуясь: – Пойди погляди, камни стали снова...

– Миша, теперь это неважно, – с едва скрываемой жалостью произнесла Мари и оглянулась: за ее спиной молча стояла Карина. – Она мне все рассказала, пока ты ходил.

– Как... Что?.. Но вот же он, старухин пакетик с чаем! – Михаил выкинул вперед руку, под которой, как старый маятник, раскачивался сморщенный пакетик. – Видишь, я его нашел. Значит, все будет хорошо.

– Миша, все и так хорошо. Карине прислали деньги. Она купила лекарство, и теперь Тарас пойдет на поправку.

– Карина... – у Михаила от неожиданности перехватило дыхание. – Я очень рад. Правда. Поздравляю!

– Я знаю, вы хотели нам помочь, – улыбнулась Карина. Она неловко пожала Михаилу руку.

– Да-да, – он окончательно растерялся. И, передумав заходить в кухню, направился в гостиную.

– погоди, ты что-то спросил про камушки? – запоздало напомнила ему Мари.

– А! – не оборачиваясь, отмахнулся Михаил. – Ты права, это и вправду неважно. Лучше подумай, кому может быть полезен старухин пакетик чая.

– Я подумаю, можно? – неожиданно предложила Карина.

Михаил ничего не ответил. Проходя мимо детской, он услышал знакомые булькающие, квакающие, озорные звуки. «Любимая Семина игра, – улыбнувшись, мысленно отметил он. – Кажется, „Цирк дрессированных демонов“ называется. Надо бы Сему попросить, чтоб научил в нее играть».

И тут Михаил вспомнил про флаер, который ему утром вручила грустная девушка-клоун.

– Сема, ты хотел вкусенького? Собирайся, сынок, мы идем в цирк! В цирке обязательно продают попкорн и сладкую вату...

Единороги

1

Я вернулся домой, с ног до головы перепачканный в грязи, промокший под ледяным дождем, с шишкой на лбу и разбитым носом, под которым мерзкими черными сталактитами запеклась кровь, и в дурном расположении духа. На вопрос Юти: «Что стряслось? Я звонила тебе раз сто!» ответил неохотно, даже зло: «Я потерял телефон. И вообще не до тебя сейчас». Оставив попытки разговорить и выведать у меня, куда на этот раз я вляпался, Юти стащила с меня куртку и брюки, бросила их в стиральную машину, а меня срочно отправила принимать горячую ванну.

Вытянув блаженно ноги и отдавшись горячей воде, я сознательно решил прокрутить в памяти те странные, нелепые эпизоды, что случились со мной два часа назад. Вспомнить, чтобы больше к ним не возвращаться...

Я возвращался в город из поселка Ч., куда отвозил клиента. Зима в этом году стояла гнилая, теплая, снег неожиданно сошел еще в феврале, предательски обнажив землю и траву, принявшую выкрутасы природы за раннюю весну и оттого вмиг позеленевшую. Март проскочил такой же беспросветный, невзрачный и без явных признаков времени года. Наконец, наступил апрель, студеный и зябкий по-зимнему... С утра лил дождь, под дождем я отвозил клиента в Ч., теперь под дождем возвращался. Дорога была негодной, ехал осторожно, хотя очень хотелось примчаться в город, послать все к чертовой матери и засесть с друзьями в теплом, сухом «Полонезе» или залезть в горячую ванну, как сейчас.

Я шел по трассе километров под восемьдесят, не больше. Было пасмурно, небо до горизонта было затянуто унылыми серыми тучами. Лишь черная земля полей, проносившихся навстречу, да зеленая поросль на них радовали глаз. Иногда поля или узкие участки земли, отделенные от полей шеренгами голых черных деревьев, куда-то проваливались – в этих местах было полно рвов и канав. В одном из таких рвов я увидел автомобиль.

По инерции, пока соображал, я проехал с десятков метров, затем вернулся и заглушил мотор. Я спустился в кювет. «Опель» уткнулся капотом в мутную жижу, вокруг него, как вокруг кладбищенского памятника, были рассыпаны бумажные цветы; в двух метрах от автомобиля, лежа на животе и не подавая признаков жизни, замер мужчина. Шапка с его головы слетела прочь, он был длинноволос, лохмат, волосы на его затылке сбились и слиплись. Он был жив. Мне удалось довольно быстро привести его в чувство. Выяснилось, что незнакомец в стельку пьян. Вздохнув, я затолкал мужика в его автомобиль, доверху набитый коробками с бумажными цветами, и поднялся к своей машине. Нашел в багажнике буксировочный трос, привязал его к крюку и, взявшись за другой конец троса, спустился к «Опелю». Там этот странный тип на меня и напал. Пока я готовился вытащить из кювета его машину, он незаметно из нее выбрался и, вооружившись какой-то палкой, накинулся на меня. К счастью, он промахнулся. Потом мы, сцепившись, упали вдвоем в грязь и стали, как одержимые, кататься по ней: то он, то я оказывался сверху. Мужик был тяжелей и сильнее, спасло меня, вероятно, лишь то, что он был здорово пьян.

Несколько раз назидания ради я ткнул его мордой в грязь и бросил так. Мне показалось, что это пошло ему на пользу: он успокоился и вроде даже захрапел.

Я вышел победителем в той дурацкой схватке, но чувствовал себя скверно. Болел подбитый нос, я был весь в грязи и еще в какой-то дряни... Но «Опель» того придурка я все-таки вытянул из кювета. Не знаю, зачем. Наверно, потому что мне хотелось довести до конца начатое дело. Что я, зря привязал к своей машине буксировочный трос?

Перед тем как ехать дальше, я на всякий случай занес номер «Опеля» в свой блокнот, который всегда носил в куртке. У Дика в полиции или ГАИ были какие-то знакомые, может, они по номеру пробьют этого идиота. На черта ему столько бумажных цветов?

Уже на подъезде к городу я вдруг вспомнил, что не позвонил Юти, как обещал (у нас с ней есть давняя договоренность, что я звоню ей всякий раз, когда возвращаюсь с маршрута). Я порылся по карманам, заглянул в бардачок, но телефона нигде не нашел. Видно, выронил его во время драки. Только этого мне еще не хватало!

Расстроившись и чертовски устав, я и словом не обмолвился Юти о своих «подвигах». Не только потому, что совсем не хотелось рассказывать ей про случайную, напрасную драку и потерянный телефон. Просто в скором времени произошло нечто, что мигом вытеснило из головы неприятные воспоминания о недавнем приключении.

Согревшись и успокоившись, я вылез из ванны и тут обнаружил, что пол затоплен. Откуда-то набежала масса воды, она стояла чуть ли не два сантиметра от пола.

– Ух, ты! Юти, принеси ведро и тряпку!

Она принесла ведро. Отворив дверь в ванную, в изумлении воскликнула:

– Чего это ты тут натворил?

– Ничего. Просто лежал в ванне.

Я принялся вычерпывать с пола воду, заглянул под ванну, чтобы найти причину потопа, который ненароком устроил. Я быстро обнаружил место на сливном патрубке, откуда заметной струйкой сочилась вода. Но эта находка была ничто в сравнении с тем, что я увидел в стене под ванной. Там была дыра. Да-да, самая обычная дыра, откуда сквозило (интересно, как я не почувствовал сквозняк раньше?), а из дыры торчали сосульки.

– Черт, а это еще что за фигня?! – невольно выругался я, уставившись на таинственные сталактиты – такие же мерзкие, как засохшая под моим носом кровь, которую я только что смыл.

Поначалу я принял их за клыки и уже чуть погодя за сосульки. Они были покрыты черной слизью. Казалось, слизь едва заметно вздрагивала и шевелилась. От жуткого вида сосулек меня всего передернуло.

– Юти, дай перчатки! И принеси какие-нибудь ненужные тряпки.

– Боже, что ещестряслось?

– Не поверишь. У нас под ванной дыра в стене, а мы и не знали. Не представляешь, как из нее дует.

– Погоди, какая еще дыра?

– Тебе нужно объяснять, какие бывают дыры? – разозлился я. Мне предстояло отбивать жуткие сталактиты, и я заранее начал нервничать.

Наша квартира была угловой; комната поменьше и ванная с туалетом находились в той части квартиры, которая выходила на улицу. Но не просто выходила, а буквально упиралась в стену соседнего дома: зазор между двумя домами был сантиметров 15—20, не больше. Поэтому разглядеть с улицы, какие дефекты есть на нашей стене – дыры или еще что-нибудь – не предоставлялось никакой возможности. А дом хоть и не был особенно старым, но, видно, построен был спустя рукава.

– Ты меня не разыгрываешь? Там точно дыра? – недоверчиво спросила Юти.

– Мне что, больше делать нечего? Не веришь, сама загляни. Обыкновенная дыра. А в ней растут ужасные сосульки.

– Слушай, тебя никто не ударил по голове? Какие еще сосульки? Что ты несешь?

– Вот дай мне резиновые перчатки, в которых ты моешь посуду. Я попробую выломать сосульки, и тогда ты сама увидишь.

Я выломал сосульки, их оказалось четыре, и бросил их в мойку на кухне.

– Ты что делаешь?! – завопила, как сумасшедшая, Юти. – Зачем ты сюда принес эту гадость?!

– А куда мне их, по-твоему, девать? В мусорном ведре они растают и, не дай бог, еще затопят кухню. В унитаз тоже рискованно их бросать, кто знает, из чего они... Ничего, пусть полежат здесь. Рано или поздно сосульки растают. А я пока пойду заткну дырку.

Я вернулся в ванную и, четверть часа сидя на карачках, пыхтел, затыкая тряпками дыру в стене. Наконец с горем пополам мне удалось это сделать.

Из кухни донесся озабоченный, расстроенный голос Юти:

– Керуак, это никуда не годится!

Я тут же, не моя рук, влетел на кухню. Юти стояла возле мойки и, гневно жестикулируя, показывала на сосульки. Они даже не думали таять.

– Ну не тают, тоже мне проблема, – с нарочитым равнодушием пожал я плечами. – Наверное, слой грязи на них толстый, как термос, удерживает в них холод.

– Что за чушь ты несешь?! – окончательно взорвалась Юти. – Немедленно их выкинь!

– Ладно. Сделаю еще одну попытку их разморозить и выкину.

Во мне вдруг проснулся дух исследователя и следопыта. Наверное, Юти была права: тот волосатый бугай здорово долбанул меня по башке.

Я открыл кран и направил струю воды на мрачные сталактиты – грязь немедленно сошла, обнажив под собой прозрачные, как и положено быть льду, с голубоватым отливом морковки. Однако это были не сосульки – ведь они не таяли.

– Красивые, – восхищенно заметила Юти.

– Теперь нравятся?

– Да. А почему они не тают? Может быть, это хрусталь?

– Хрустальные сосульки выросли у нас под ванной?

– Почему бы и нет. Мы каждый день сталкиваемся с такими заурядными глупостями, что уже немогут от них. Но ведь жизнь состоит не только из разочарований, в ней должны случаться и чудеса. Разве не так?

В ответ я пожал плечами и непроизвольно зевнул: было уже довольно поздно.

2

Когда пришло время идти спать, мне вдруг до смерти захотелось чаю.

– Иди ложись, я сам сделаю, – сказал я Юти, у которой уже слипались глаза. Она ушла в спальню, а я еще минут сорок просидел на кухне, безуспешно пытаясь разгадать тайну подванных сталактитов. Допив чай, я вымыл чашку, с сомнением поглядел на странные сосульки, лежавшие в мойке, переложил их в ведро, которым Юти пользуется для мытья пола, и тоже отправился спать.

Сон не шел. Я ворочался сбоку набок, вдобавок, будь она не ладна, ногу начала сводить судорога. Я уже хотел разбудить Юти, чтобы она помогла мне найти снотворное, но тут со стороны ванной донеслись какие-то звуки. Они показались мне подозрительными; чуть помешкав, я поднялся и отчего-то на носочках, затаив дыхание, двинулся в коридор, а оттуда украдкой подобрался в ванной. В ней горел свет, но внутри – никого. Странно, я точно выключал свет, удивился я, может, Юти вставала. И тут же сам отмел это предположение: ведь мы лежали в одной кровати бок о бок, и я не мог не заметить, если б она вставала.

Внезапно кто-то положил мне сзади руку на плечо.

– Черт!! – непроизвольно вырвалось у меня. Я мигом накрыл своей рукой руку, лежавшую у меня на плече, почувствовал что-то чужое и враждебное, тут же обернулся – и едва не наложил в штаны от страха. Вперившись в меня синющими, как у сиамериканской кошки, глазами, буквально буравя меня ими насквозь, за мной стоял незнакомец. Вид у него был запре-

дельный! Лохматый, косматый, не то альбинос, не то седой старик с громадной, как у Деда Мороза, бородой, одетый в какую-то нелепую темно-бордовую мантию или кафтан (попробуй-ка разберись, когда мне до смерти было страшно), из-под полы которого выглядывали голенища и носки вполне приличных сапог – таков был незнакомец, посреди ночи вдруг возникший в моем доме.

Наверное, целую вечность он молча рассматривал меня, а я ни слова не говоря пялился на него. Мою волю, будто треску или минтай, заморозили... Но вот этот домовой (отчего-то я сразу решил, что это домовой) отступил назад и, как мне показалось, шагнул в сторону спальни; я немедленно всполошился, разморозился, пришел в себя, в голове пронеслась беспокойная мысль – и я словно сорвался с цепи.

– Куда это вы?! Туда нельзя!.. Там Юти, она спит...

Я выкрикнул это все одним залпом и вновь обмер от страха, но теперь не за себя, а за Юти. Мой крик совершенно не вывел из себя старика: его лицо оставалось невозмутимым, а осанка – исполненной решимости и внутренней силы.

Старик несколько секунд испытующе разглядывал меня, затем, пригладив широкой ладонью бороду, улыбнулся – так же естественно и просто, как улыбается Дик или Михаил.

– Ваше беспокойство о жене несомненно делает вам чести. Но то, что вы до сих пор не пригласили меня отпить чаю, знаете ли, изумляет меня несказанно, – низковатым, проникнутым едва уловимой иронией голосом произнес незнакомец. И снова улыбнулся.

– Простите... Вы так незаметно попали в мой дом... – начал я что-то бессвязно лепетать, но старик с мягким укором перебил меня: – Вы, юноша, позвали меня в свой дом, а теперича не желаете этого признавать?

– Я – вас звал?!

Ухмыльнувшись в усы, чудный дед протянул мне четыре сосульки, найденные мною под ванной. Выходит, он уже побывал на кухне, раз отыскал мою находку, смекнул я.

– Милостивый государь, вы знаете, что это?

– Сосульки. Точнее сталактиты. Они каким-то образом умудрились вырасти под ванной, – я махнул в сторону ванной. – Даже не знаю, как... Наверно, из-за того, что в стене дыра, в нее вечно дуло, вот и...

– Это – крижали, – твердым, суровым голосом перебил меня незнакомец. Затем тут же смягчился – мне даже показалось, что он улыбнулся – в уголках его небесных глаз разбежались лучиками морщинки. – Неужто я так и не попробую вдосталь вашего хлебосольства, неужто у вас не отыщется чашки чаю для старика?

Мне стало стыдно. Стушевавшись и бормоча себе под нос какие-то детские извинения, я повел старика на кухню. Предложил ему сесть, поставил чайник на плиту и сел рядом.

Прежде чем сесть, старик снял со спины длинный продолговатый чехол, из которого, загадочно поблескивая, выглядывала красивая кованая рукоятка неведомого оружия. Ножны с мечом, пронеслось у меня в голове, и глаза восхищенно загорелись.

А боевой дед как ни в чем не бывало прислонил меч к холодильнику и только после этого сел. Положив посреди стола то, что я принял за сталактиты, он повторил:

– Это – крижали. Они у вас неспроста.

Старик говорил, и речь его менялась на глазах, из старомодной и оттого потешной превращаясь в современную и вполне удобоваримую. Я вдруг поймал себя на мысли, что и сам стал рассуждать иначе, без излишнего ребячества, что ли.

– Молодой человек, вам предстоит большое, благородное дело: один крижаль вы оставите себе, а три раздадите самым близким людям, с которыми связаны пуповиной своей судьбы. Этих людей вы можете любить, а можете ненавидеть. Но в вашей жизни они так же неизбежны и предрешены, как рассветы и закаты... Вы догадываетесь, о ком я?

– Наверное, о друзьях, – сказал я, разливая чай по чашкам.

– Вам решать, – едва заметно кивнул старик. Отпив из своей чашки, он по-простецки вытер усы рукавом и продолжил: – Имя мое Алефатий. Моя миссия – вооружить вас знаниями и интуицией. Вот они, – старик указал взглядом на крижали. – Не смотрите, что они яко бы изо льда. Это лишь видимость, игра образов и нехватка знаний. Каждый крижаль порожден определенной стихией. Надеюсь, вы знаете эти стихии?

– Ну да. Вода, огонь, земля и воздух, – пожал плечами я. А потом не к месту добавил: – «Пятый элемент» – мой любимый фильм.

Последние слова Алефатий, казалось, пропустил мимо ушей.

– Себе вы возьмете крижаль воды, – старик взял из четырех сталактитов (я упрямо продолжал называть их так) один и подвинул к моей чашке. – Остальные – раздадите.

– Постойте, – растерялся я. – Но как я узнаю, какой из них относится к огню, а какой – к воздуху и земле.

– Вместо земли может быть камень, – задумчиво поправил меня Алефатий. Затем подбадривающе улыбнулся. – Вам не нужно волноваться. Отныне в вас заложена интуиция, которая подскажет вам, кому из близких какой крижаль вручить.

– Но что я... Что нам с ними делать?

– Как что?! – взвился старик, вскочив из-за стола. Это было неожиданно и никак не вязалось с его преклонным возрастом. Алефатий выхватил из ножен меч, взмахнул им над своей головой. – Сражаться! Наделенный волшебным крижалем обязан сразить зло! Четыре крижalia в ваших руках – четыре зла, которые вам предстоит одолеть!.. Или страх так крепко сковал ваше сердце, юноша, что вы и помыслить не можете о благородном подвиге?

– Почему не могу? Могу, просто все так неожиданно и...

– Керуак, отчего ты кричишь? – внезапно из спальни донесся взволнованный голос Юти

– Идите, успокойте жену, – мягко подтолкнул меня в сторону спальни Алефатий. – Успокойте и можете ложиться спать. Завтра вам предстоит трудный, но героический день.

– А вы?

– Я? Хм, – Алефатий задумчиво улыбнулся – судя по его отрешенному взгляду, он был уже не здесь, а где-то далеко. – Нашел же я сам дорогу сюда, найду и обратно.

Я все-таки не послушал незваного гостя и вернулся на кухню. Успокоил Юти, поцеловал ее в теплые сонные губы – и вернулся. Но Алефатия там уже не было. Что удивительно, с исчезновением старика со стола пропали все крижали и даже чашки с остатком чая. Почему-то исчезновение чашек так меня взволновало, что я не удержался – и проснулся.

– Ты чего это?

Надо мной опрокинулось озабоченное, взволнованное лицо Юти.

– Ничего. А что?

– Да ты сейчас кричал во сне. Вот я тебя и разбудила. Что там тебе приснилось?

– Не помню... А где крижали?

– Чего?

– Сосульки.

– Да в ведре они. Как вечером положили их туда, так и лежат. Даже не думают таять.

– Они не растают.

– Все-таки они хрустальные, да?

– Может быть... Знаешь, мне пришла в голову идея.

– Какая еще идея? – насторожилась Юти. – Мне твоих сосулек довольно.

– Позовем к нам друзей и покажем им наши крижали...

– Чего? Что за слово ты произносишь? Что там тебе приснилось, Керуак? Ты какой-то не такой.

– Нет, правда, – не обращая внимания на подозрения жены, я загорелся собственной идеей. – Позовем Мишку с Мари, Дика... И еще кого-нибудь четвертого.

Тут я запнулся и нерешительно поглядел на Юти, будто она знала, кто тот четвертый, которого нужно было позвать.

– Какого еще четвертого? Слушай, такое ощущение, что ты бредишь, несешь чушь какую-то. У тебя случаем не температура? – жена приложила к моему лбу ладонь – она у нее была прохладной и нежной, как у ребенка. – Немного, кажется, есть. Сейчас гляну в справочник фельдшера, что у тебя может быть и как с этим бороться.

– Куда ты глянешь? В справочник? – неожиданно громко вырвалось у меня. Мне покоя не давал четвертый: у меня было двое близких друзей, которым я собирался вручить крижали, третий крижаль был мой, но кому предназначался четвертый? Я понятия не имел, кто бы это мог быть. Но стоило Юти заговорить про справочник, как я тут же вспомнил про свой блокнот. В нем я записывал номера телефонов своих друзей, знакомых и нужных людей. На тот случай если потеряю или у меня украдут мой мобильный. И вот этот случай настал. Охваченный странным предчувствием, я покрутил по сторонам головой. – А где мой блокнот?

– А я почему знаю? Может быть, в куртке Ты с ним никогда не расстаешься и не показываешь мне. Наверно, у тебя в блокноте уже целый гарем записан. Ненавижу твоих шлендр!

– Юти, перестань! – я скривился как от зубной боли. Не было в блокноте имен и контактов никаких любовниц. Но в одном Юти была все же права: я и вправду никогда не показывал ей свой блокнот.

– Принеси, пожалуйста, мне блок... – вежливо попросил было я, но на полуслове замолк. Меня вдруг бросило в пот, когда я вспомнил, что блокнот лежал во внутреннем кармане куртки, а куртку Юти накануне постирала. – Ты ее постирала... А блокнот?

– погоди заранее дрожать, как заяц, – фыркнула на меня жена, но видно было, что и она обеспокоилась. Юти сходила на балкон, где сохла куртка и спустя минуту вернулась. Вид у нее был как у провинившейся собаки.

– Извини, я не знала, что он был в кармане.

С этими словами она протянула мне то, что осталось от блокнота. Какая-то бумажная жвачка, скрученная, со слипшимися листами.

– Конеч, – в отчаянии вздохнул я.

– Ну, прости, дорогой, я и правда не знала, что там у тебя, в куртке.

– Хорошая хозяйка, прежде чем стирать вещи, вывернет в них все карманы, – огрызнулся я.

Юти не на шутку обиделась на меня, как это часто бывает, когда она чувствует свою вину и, надув губки, ушла на кухню. Я же, сидя в кровати, попытался выяснить, что можно было реанимировать в постиранном блокноте. Оказалось, уже ничего. С полтора десятка страниц, чудом не превратившихся в мякиш, смылись все чернила, вместо записей – какие-то грязные пятна. Нашел номер «Опеля», точнее, то, что от него осталось, – он был похож на фантастический иероглиф. И только на одной странице сохранился номер телефона. А имя не сохранилось. Но я и без того прекрасно знал, чей это номер. Моей бывшей жены Елены.

– Так вот значит, кто будет четвертым! – присвистнул я.

– Не свисти! – прокричала мне из кухни Юти. – Лучше помоги мне морковку и лук почистить. Я буду делать «шубу».

Мы быстро с Юти помирились. Да мы по большому счету и не ссорились. От нее всегда веяло таким подкупающим теплом и лаской, она всегда казалась мне умопомрачительно доступной и желанной, а искушение неизменно было растворено в ее слюне, которой она делилась со мной в каждом поцелуе, что я тут же захотел ее. Юти это нисколько не удивило. Даже наоборот: едва осознав, что я хочу от нее, она в тот же миг взяла инициативу в свои руки – толкнула меня на стул и села сверху лицом ко мне... Побывав по очереди в ванной, мы как ни в чем не бывало вернулись к приготовлению ужина. Казалось, недавний секс и запах специй,

которые мы добавляли в блюда, вытеснил из памяти последние обрывки странного несуразного сна.

Когда стряпня приближалась к концу, я наконец-то решил обзвонить друзей. С Диком и Михаилом проблем не оказалось: дозвонился к ним сразу, и сразу они согласились прийти. А вот до Елены я не смог дозвониться. Не могу сказать, что эта неудача меня всерьез огорчила. Скорее, где-то в глубине души я обрадовался, что Елена не придет к нам на ужин. Не скрою, мне не хотелось сводить вместе двух моих женщин – одну бывшую, другую настоящую.

В шесть десять в прихожей раздался первый звонок. Это приехали Михаил с Мари. Еще через восемь минут появился Дик. Мы сели за стол: на ужин Юти приготовила индейку в соусе из белого вина и ткемали и обычную нашу «шубу», которую, мы знали, обожали все наши гости. Невостребованным оказался один столовый прибор.

– Ты кого-то еще хотел пригласить, милый? – вопросительно повела бровью Юти, переводя взгляд с пустой тарелки на никем не занятый стул.

– Да, то есть нет, – я немного замялся, потом мысленно посмеялся над собственной растерянностью и, разлив по стаканам вино и виски, обратился к гостям более уверенным тоном.

– Друзья, мы с Юти пригласили вас по одному очень важному делу, – начал было я, но тут встретился глазами с Юти: в ее взгляде стоял недоуменный вопрос, мол, что еще за важное дело?

– А что за дело? – орудуя вилкой, как бы между прочим поинтересовался Михаил.

– Я думал, ты нас просто рад видеть, – подкладывая в свою тарелку «шубу», заметил Дик.

– Конечно, рад. Но правда есть одна вещь... Давайте вначале выпьем.

– Юти, что это с ним? Похоже, он разучился говорить и тушует как девушка, – с набитым ртом насмешливо поддел меня Дик. – Он что, оплошал сегодня в постели?

– С чего ты взял, Дик? – возразила Юти. Она защищала меня с милой, наивной непосредственностью; щеки у Юти заметно зарделись, а в глазах пылал вызывающий пламень любви. Она проглотила кусок и, стараясь скрыть волнение, сообщила: – Керуаку приснился сегодня мистический сон, мне он его не рассказал. Может, вам расскажет?

– Сон? А это уже интересно, – оживилась Мари. Тарелка ее была пуста – Мари не любила есть в гостях, но разговоры обожала очень.

– Расскажи, что там тебе привиделось, Керуак, – вежливо попросил Михаил – по жизни вечный мистик и фантазер.

– Сон как сон, – рассеянно отозвался я. На меня внезапно накатила волна робости и недоверия: с какой стати я должен доверять свою тайну именно этим людям, может, мой выбор неверный?

– Я не знаю, что там у тебя за сон, – с присущей ему бесцеремонностью встрял в мою речь Дик. – Но то, что со мной произошло час назад, – это, ребята, и вправду круто...

Я с облегчением вздохнул: пускай Дик расскажет свою историю, а я пока успокоюсь и соберусь с мыслями.

3

Окинув нашу компанию чуть насмешливым, чуть небрежным взглядом, Дик чему-то усмехнулся, покрутил головой и с той же толикой высокомерия, что была заметна в его взгляде, обронил:

– Сейчас.

Он сходил в прихожую (в приоткрытую дверь я видел, как он рылся на вешалке, где повесил свою куртку) и тут же вернулся.

– Вот, – Дик кинул на стол, ближе к тому месту, где сидели мы с Юти, книгу.

– Что это? – спросил я, даже не взглянув на обложку.

– «История религий», – прочел Михаил и вопросительно посмотрел на Дика.

– Непонятно, что ли? Ну, народ, – фыркнул он. Снова обвел нас насмешливым взглядом и наконец принялся рассказывать:

– Короче, мужик этот сел возле рынка. Мужик как мужик, можно сказать, солидный: в плаще, портфель кожаный – только усы у него были старомодные – длинные и завитые кончиками кверху. Такие сейчас никто не носит...

– Как у Сальвадора Дали? – восхищенно спросила Юти.

– Чего? Не знаю я никого Славу Долина, – поморщился Дик. – Юти, не перебивай меня, а то я собьюсь с мысли... Короче, вначале он трепался по мобильному, кому-то пихал по полной программе, потом вдруг спрашивает у меня: «Скажи, старик, у тебя есть босс?» «Ну да, – отвечаю, – владелец такси». «А у твоего босса, как думаешь, есть босс? Помимо „крыши“?» «Откуда мне знать? Я стараюсь подальше держаться от своего босса». «А ты подумай». И тут он мне говорит: «За правильный ответ подарю тебе книгу». Замечаю в зеркале заднего вида, как он достает из портфеля книгу и машет ею за моей спиной. На фиг мне твоя книга, думаю, но вслух говорю так: «Если „крышу“, налоговую и разных там чиновников из транспортного управления отбросить, то остается лишь он». «Кто он?» – оживляется мой пассажир. «Ясно кто – президент». «Допустим, – кивает, но, приглядевшись в зеркало, вижу, что настроение у него изменилось. – А у президента есть босс?» «Конечно, – мне становится смешно. – Тот, кто сделал его президентом». «Ну-ну... А у босса президента есть кто-нибудь, кто стоит над ним?» «Эка вы далеко забрались! Откуда мне, таксисту, могут быть известны такие вещи?» «Хорошо, даю тебе подсказку. Если вдруг отыщется некто, кто является боссом всех боссов и президентом всех президентов, то, знай, непременно есть кто-то другой, кто будет над ним и выше его». «Народ, что ли?» – спрашиваю, а сам думаю, на черта я ввязался в этот разговор. «Народ? Да ты идеалист, а не таксист. В другом мире и в иной жизни, может быть, этим другим и вправду будет народ. Но сейчас я говорю о боге». «Бог? Вот как. Выходит, я не угадал и книга не моя», – облегченно вздыхаю я и мысленно считаю метры, когда наконец избавлюсь от этого странного типа. А он мне в ответ: «Погоди вздыхать. Ведь вопрос я еще не задал. А теперь слушай: кто выше бога стоит?» Признаюсь, парни, не ожидав такого вопроса, я даже на мгновение утратил контроль над дорогой, автомобиль мотнулся в сторону, но я мигом исправил ситуацию. «Ну, дядя, вы, видать, перечитали свою книжку». «Нет, ты скажи первое, что тебе приходит на ум!» Вот привязался, думаю. И вдруг ляпаю от балды: «Бог бога». «Вот! – я вижу в зеркале, как он подскакивает на сиденье, словно ему в зад шило воткнули. – Бог бога! А точнее – боги богов. Ведь основных религий три, а сколько еще помельче, регионального масштаба, так сказать...» «Ну, боги богов, мне-то что с того? – не скрывая своего раздражения, перебиваю его. – Мне еще завтра целые сутки баранку крутить, напарник, подлец, загремел в больницу, а вы мне про каких-то богов втираете!» «Про каких-то?! Какой ты, однако, самонадеянный и недалекий молодой человек. Не успеешь оглянуться, как боги богов станут твоими самыми строгими судьями, а демоны богов – злейшими врагами». «Кто, кто? Демоны богов?» – с нескрываемой издевкой переспрашиваю я. Мы приехали. Наверное, поэтому мой чудаковатый пассажир пропустил мимо ушей мой последний вопрос. Ну и черт с ним! Расплачиваясь со мной, странный тип лишь ухмыльнулся мне какой-то жалкой и одновременно презрительной ухмылкой – и тут же свалил. А книгу оставил. Ума не приложу, зачем она мне?

Все, кто в тот момент сидел за столом, дружно уставились на книгу, но никто не отважился даже коснуться ее. Кроме меня – я погладил ее потрепанную обложку, открыл наугад – между страницами оказался заложен мятый бумажный цветок. Этот цветок тут же отбил у меня желание листать книгу дальше. Я отложил ее в сторону и, ни слова не говоря, лишь усмехнувшись, прямо как пассажир в рассказе Дика, встал из-за стола, сходил на кухню и принес четыре крижалья. И так же молча положил их поверх книги.

– Это еще что за хрень? – непроизвольно вырвалось у Дика, возбужденного собственным рассказом.

– В самом деле эти штуковины похожи на корни хрена. Только сорт неизвестный, прозрачный, – пошутил Михаил.

– Не говори ерунды! Обычные сосульки... – осторожно взяв один из крижалей и поднеся его к глазам, проворчала Мари. – Что ты ими хочешь сказать, Керуак? Не могу разгадать твоего символизма.

– Нет тут никакого символизма... Одна мистика. Сплошная мистика.

И я рассказал вначале фантастический случай с находкой крижалей под нашей ванной, а потом пересказал не менее фантастический сон... Все промолчали, никто не захотел комментировать мой рассказ, лишь Дик в свойственной ему манере съязвил:

– Не знаю, как остальным, а мне «шуба» Юти понравилась больше, чем твои бредовые фантазии.

Я мысленно поблагодарил Дика: его ирония всегда служила мне добрую службу – и, заметно волнуясь, объявил:

– Сейчас я раздам каждому из вас крижаль... Нет, не так – вы сами их возьмете. Лучше вас самих никто не знает своей судьбы.

– Керуак, в какую авантюру ты хочешь нас втянуть? – начал заводиться Дик. – На фиг мне сдалась твоя сосулька?

– Вот с тебя, Дик и начнем, – облегченно вздохнул я. – Тяни свой жребий.

– Да чего ты привязался ко мне?!

– Керуак, можно я вытяну? – вдруг вызвалась Мари. Лукаво взглянув на мужа, добавила: – За Мишку.

– Нет, Дик, – я вдруг решил стоять на своем.

– Ну ты, Керуак, и зануда! Юти, как ты с ним только живешь?

– Ладно, уболтал, – неожиданно сдался Дик. Он вытянул из четырех крижалей один. У меня не было никаких сомнений, что Дик достался его крижаль. Он поднес его к глазам, как минуту назад Мари, повертел его перед носом, наконец спросил: – А что эти черточки означают?

– Какие черточки? – заинтересовался Михаил и потянулся к Дикю через стол.

– А ты возьми себе такую же фигию, тогда и поговорим.

Покряхтев и помявшись, Михаил вытянул свой крижаль. На нем тоже были высечены какие-то зарубки или засечки, но форма у них была совсем не такая, как у зарубок на крижале Дика. Я смотрел на засечки во все глаза: я мог поклясться, что вчера вечером их там не было и в помине.

– Жить становится все интересней, – философски заметила Юти. Взглянув на меня, она иронично прищурилась. – А ты что же, Керуак? Всех взбаламутил, а сам?

Я улыбнулся своей мечте в ответ и аккуратно взял с книги крижаль. Нащупал почти у самого тупого его конца засечки. В горле отчего-то мигом пересохло.

– Теперь бы узнать, у кого какой жребий, – невнятным, неожиданно сиплым голосом пробормотал я

– На, выпей воды, – тут же пришла на помощь Юти.

Пока я пил из стакана, все молча смотрели на меня. Первой нарушила молчание Мари:

– Так в чем проблема? У нас же есть книга. Как она там...

– «История религий», – напомнил Михаил.

– Тебя не спрашивают.

Мари уверенно раскрыла книгу, перевернула несколько страниц и с торжествующим видом протянула мне: – Вот!

Я всмотрелся в рисунки, изображенные в книге. Там были все четыре крижалья. У каждого был свой набор засечек, формы которых не повторялись на других крижальях. Разъяснения к рисункам были крайне лаконичными: Огонь, Воздух, Земля, Вода.

Мой крижаль нес на себе знак воды, крижаль Дика обозначал огонь, Михаилу достался крижаль, относившийся к земле («Вместо земли может быть камень», – вспомнил я ненароком слова, сказанные мне во сне). Четвертый крижаль, который пока не обрел своего хозяина, олицетворял собой воздух.

– Ну и что нам теперь со всем этим богатством делать? – в некотором замешательстве спросил Михаил и зачем-то попробовал свой крижаль на зуб.

– Дай сюда! – Мари порывисто отняла у мужа крижаль. – Ведешь себя как мальчишка! Хуже Семы, ей-богу.

– А сама-то, сама!

Поглядев, как потешно перебраниваются Мари с Михаилом, я тем не менее совершенно серьезно сказал:

– Как что делать? Воевать и побеждать!

– Кого побеждать? – опешил Дик.

– Демонов богов, – включившись в игру, взялся объяснять Михаил. – Тебе ж ясно сказали: каждому из нас придется сразиться со своим демоном, соответствующим его стихии.

– Но это же все чушь! Какие демоны?! Мы же цивилизованные...

– Таксисты, – с мягкой иронией закончила Юти.

– Да, таксисты! Я так уж точно таксист, а не король Артур. Почему я с кем-то должен сражаться?

– Потому что так распорядилась судьба, – улыбнувшись, развел я руками.

– Керуак, хватит гнать пургу! Все, с меня довольно, я ухожу!

– Уходи. Только не забудь взять свой крижаль.

Видимо, я так недвусмысленно посмотрел на Дика, что он не решился мне перечить.

Дик захватил свой крижаль и, попрощавшись сквозь зубы, ушел. Почти сразу за ним ушли Михаил с Мари. Мари попросила старую газету, завернула в нее крижаль Михаила и бережно опустила его в свою сумочку.

Я помог Юти убрать со стола, на нем остались лежать лишь хлебные крошки и четвертый, еще не нашедший своего владельца крижаль. Тут я снова вспомнил про блокнот, и в памяти одновременно всплыли строки из старой, знакомой с детства сказки: «Смерть Кошечья на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке...» Только в том яйце, точнее блокноте, была спрятана не смерть, а номер телефона моей бывшей.

Так вот, оказывается, кому должен был достаться последний крижаль. Крижаль воздуха. Как бы я того не хотел, но мне придется встретиться с Еленой.

4

Поначалу Дик понятия не имел, что делать со своим крижалем. Повертел его, повертел, да и бросил в бардачок своей машины. А потом и вовсе забыл о нем.

Но ненадолго. Вскоре странная, непонятная сосулька, вызывавшая в душе Дика необъяснимый протест и отвращение, дала о себе знать. Случилось это на следующий день после того, как он гостил у Керуака с Юти. Где-то часов в десять он получил заказ и направился через центр города в один из его спальных районов, чтобы забрать там пассажира и отвезти на железнодорожный вокзал. На перекрестке, затормозив на красный свет, Дик поравнялся с автобусом, остановившимся на соседней полосе. Автобус был зеленым, как огурец, на его боку была нарисована большая желтая бабочка. В автобусе ехали дети. Солнце, заигрывая, светило им прямо в глаза, дети шурились, но не отворачивались. Прижавшись носами к стеклу,

они с любопытством уставились на такси, в котором сидел Дик. Не зная зачем, он помахал детям рукой. В ответ ему помахал один-единственный ребенок. Он был наголо пострижен, лишь фиолетовая челка падала ему на лоб. Дик мог поклясться, что так оно и было – у мальчишки была фиолетовая челка. А глаза голубые-преголубые! Даже сквозь оконное стекло было видно, какими нереально голубыми были у него глаза.

Дик засмотрелся на папаненку и прозевал, когда загорелся зеленый свет. Сзади тут же раздался насмешливо-раздражительный сигнал. Дик чертыхнулся и, сорвавшись с места, повернул вправо. Позади остался автобус с детьми, у него был свой путь, а у Дика – свой.

Однако на следующем светофоре с ним приключилось нечто такое, что сразу же поставило под сомнение его дальнейшую поездку: в тот момент, когда Дик собирался трогаться с места, внезапно сломался рычаг переключения передач – из кожуха коробки теперь торчал сантиметра на два-три лишь его стальной обломок. Дик был настолько потрясен случившимся, что несколько мгновений бессмысленно пялился на кусок трубки, зажатый в руке.

– Вот это я попал... Что ж мне теперь с этой хренью делать? Придется парням звонить, чтоб новый рычаг привезли...

Он полез в бардачок, где по обыкновению держал мобильный телефон, и оторопел в другой раз. В бардачке лежала та штуковина, которую дал ему Керуак и название которой Дик отказывался запоминать – крижаль. Загадочная вещица неизменно изменилась – светилась изнутри голубоватым, таинственным светом и словно призывала им Дика к какому-то необыкновенному, из ряда вон выходящему поступку.

– А это еще что за волшебная палочка?! – Дик едва сдержался, чтоб не застонать. – Час от часу не легче!

Он бессознательно протянул к таинственному предмету руку, но тотчас так же машинально ее отдернул. Однако крижаль тут же устремился за его рукой, словно притянутый ею как магнитом, вывалился из бардачка и упал на резиновый коврик внизу. Крижаль начал судорожно подергиваться и метаться из стороны в сторону, подобно стрелке компаса... Вдруг он замер, затих, указав острым концом на обломок рычага, выглядывавший из коробки передач. Раз – и конец крижалья зашипел, заискрился, словно там скопился электрический заряд невиданной силы!

– Знак мне подает. Не иначе хочет, чтоб я его... – неожиданно сразу догадался Дик. Крижаль перестал искрить, и Дик с опаской протянул к нему руку. – Дай-ка я тебя вместо протезика поставлю...

С этими словами Дик приставил крижаль к обломку рычага – и они в тот же миг срослись: обычная металлическая трубка и загадочная вещь. Неуклюже, нелепо, зато, похоже, прочно и надежно!

– Фантастика! – Дик с восхищением уставился на новоявленный рычаг. – Ну, Керуак, что ж ты мне подсунул?! Ладно, после разберусь, а пока надо ехать. Клиент, поди, заждался.

Но не тут-то было. Не успел Дик взяться за рычаг, как он сам включил пятую передачу – и машина, будто безумная, рванула вперед.

– Ни черта себе! – только и успел крикнуть Дик, хватаясь за руль.

Началась такая гонка, что он едва успевал крутить баранку и давить на клаксон. Пришлось вспомнить все навыки вождения. Дик вспотел до нитки, а эта дрянь – ледяной рычаг-гибрид – продолжала командовать его судьбой. Всякий раз, как Дик, понадеявшись на шальное чудо, хватался за ледяной рычаг, он бил его таким разрядом тока, что боль отзывалась во всем теле и особенно почему-то в мошонке.

В один из таких моментов, когда Дик, стиснув зубы, в очередной раз пытался совладать со своенравным крижалем, вздумавшим вдруг повелевать его судьбой, автомобиль едва не сбил переходившего дорогу пешехода.

– Ах ты зараза! – выругался Дик и, закусив губу, направил машину прочь из города, подальше от оживленных, напряженных мест.

Выехав за черту города, он почувствовал себя легче и уверенней. Казалось, ему даже ставила нравиться игра с обезумевшим рычагом... Хоть верилось до сих пор с трудом, что какая-то злосчастная сосулька, невесть как возникшая в его жизни, будет нагло командовать им.

Отъехав чуть больше шести километров от города, Дик увидел впереди знакомый зеленый автобус. «Хм, надо ж, какая встреча», – мысленно усмехнулся Дик. Обогнав на большой скорости автобус, он лишь мельком взглянул на него в зеркало заднего вида – и тут же забыл.

Еще метров через триста Дик внезапно натолкнулся взглядом на знак аварийной остановки и тут же на знак «Направление объезда», указывавший на то, что дальнейший путь был возможен, только если свернуть влево. Оба знака стояли на развилке двух дорог – основной, по которой сломя голову летел Дик, и второстепенной – узкой ухабистой дорожки, уходившей влево.

– Авария, что ли? – неприятно удивился Дик. Он хотел было послушно свернуть влево, куда указывал знак, но вдруг почувствовал, что руль больше не слушает его, упрямо направляя авто прямо – в ту сторону, в которую был запрещен проезд.

– Ну ни фигя себе! – растерянно присвистнул Дик. – Час от часу не легче!

Словно подзадоривая его, рычаг рывком занял положение пятой передачи, педаль газа под невидимой стопой утонула в полу – и такси гоночным болидом рвануло вперед. Проносясь мимо знаков, автомобиль будто невзначай вильнул в их сторону, безжалостно снес с пути и помчался дальше.

– Дерьмо!

Вцепившись в руль, пригнувшись и сурово насупившись, Дик предался судьбе, но не покорно, а с затаенной, волчьей злобой. С таким же чувством, наверно, Мишка ждал своей участи, глядя, как его лодку бросает об камни, вспомнил Дик рассказ Михаила, заядлого байдарочника, у которого много лет назад во время спуска по ополоумевшей горной реке вдруг сломалось весло, и он был вынужден бросить бороться с течением, целиком доверившись судьбе...

Безудержно размахивая регулировочным жезлом, на трассу выскочил гаишник, Дик провел машину всего в нескольких сантиметрах от него, при этом не испытал абсолютно ничего – ни страха, ни упрека, ни изумления... Казалось, его разум и сердце, сжавшиеся в ожидании скорого конца, занемели, заledenели, стали сродни бесчувственному ледяному рычагу, продолжавшему как ему вздумается переключать передачи.

Похоже, Дик впал в прострацию или им овладело похожее состояние. От недавней злости и затаенной решимости, казалось, не осталось и следа, Дик сдался, вжал голову в плечи, стал рабом этого дьявольского рычага, совершенно упустив момент, когда это с ним случилось...

Судьба, не перестававшая подбрасывать ему сюрпризы, тоже оказалась не железной. Побег Дика от неведомо преследователя внезапно прекратился: метрах в сорока от того места, где стоял автомобиль ГАИ, он увидел перевернутый бензовоз. Он лежал на боку, наискосок перегородив шоссе, из-под его стального брюха сочилась темная жижа...

«Черт! Он же может в любую минуту долбануть! А там, позади меня, автобус с детьми!» – с ужасом пронеслось в голове Дика. Недавнего оцепенения как не бывало!

Дик мгновенно принял решение – направил такси на бензовоз. Что он почувствовал в тот момент? Тогда ему некому было задать этот вопрос, некому схватить его за руку и прокричать в ухо: «Что ж ты, дурак, делаешь?! Это же верная смерть!»

Некому... Не считая ледяного крижалья, который вдруг включил вначале вторую передачу, а потом и вовсе заднюю скорость. Крижаль, до этого такой сумасбродный и отчаянный, внезапно пошел на попятную.

– Что, сволочь, сдрейфил? Или тебе лишь бы поперек меня идти?! – зарычал с каким-то диким, необузданным восторгом Дик. – Врешь, не на того напал!

Он изо всех сил навалился рукой на крижаль – и тот вдруг поддался. Впервые подчинился воле Дика. Но тот даже не обратил на это внимания – так он был сосредоточен на одной-единственной мысли: успеет ли он до того, как здесь окажется автобус с детьми...

То, что произошло с Диком дальше, оказалось начисто стерто из его памяти. Осознал он себя уже сидящим метрах в тридцати от горящего такси.

– Скажи, как ты это сделал? – присев перед Диком на колени, пытался привести его в чувство молодой лейтенант, тот самый гаишник, который выбежал на дорогу перед его такси. В глазах парня читались неподдельный восторг и оторопь, которые обычно испытывает человек в моменты наивысшего религиозного благоговения. Из петлицы его кителя кокетливо торчала бумажная розочка. Поймав на себе недоуменный взгляд Дика, лейтенант вынул из петлицы цветок и протянул его Дикю. – Держи! Ты – настоящий герой!

– Нет, не терплю бумажных, – глухо отозвался Дик. Морщась и раскачиваясь из стороны в сторону, он держался за голову. Простонал: – Голова! Ничего не помню. Что было-то?

– Ты как сумасшедший врезался в бензовоз! Я думал, что рванет так, что от нас и пепла не найдут.

– И что, рвануло?

– Еще как! Вот это было шоу! Огненный шар, как от бомбы, взвился над бензовозом, а тут ты из горящей тачки выскочил, прям как терминатор, а в руках типа жезла, но только не железного...

– Крижаль.

– Что?

– Неважно. Что дальше было?

– Дальше – вообще бомба! Кому рассказать, никто не поверит! Ты, значит, руку перед собой вытянул, и все это огненное кубло рвануло к тебе и в один миг втянулось в твой... как его... крижаль!

– Не понял.

– Что тут непонятного! Ты, как Гарри Поттер, махнул своей волшебной палочкой – и все мигом исчезло. Вон то, что горит, – гаишник махнул в сторону догоравшего такси, – жалкий костерчик по сравнению с тем кошмаром, что был здесь десять минут назад.

– Все равно не помню, – снова застонав, покрутил головой Дик. В следующее мгновение его лицо приняло озабоченное, чуть испуганное выражение. – А бензовоз где?

– Говорю же тебе, все с огненным шаром исчезло в твоём крижале. Где ты его, кстати, раздобыл?

– А, долго рассказывать, – Дик повертел по сторонам головой, пошарил вокруг рукой и вскочил на ноги, охваченный внезапной тревогой. – Где он? Куда я его дел?

– Да успокойся. Эко тебя контузило, – выпрямившись, гаишник с улыбкой опустил руку Дикю на плечо. А потом, порывшись другой рукой в кармане, протянул ему крижаль. – Вот он. На сосульку здорово похож.

– Ага, на сосульку, – с облегчением вздохнув, Дик засунул крижаль глубоко за пазуху. – Подбросишь меня до центра?

– Конечно, что за вопрос.

Уже подойдя к автомобилю ГАИ, Дик снова напрягся и стал как вкопанный.

– Что, еще что-то потерял? – с сочувствием спросил гаишник.

– Скажи, а автобус здесь не проезжал? С детьми?

– Какой автобус? Ты что?! Мы ж сюда проезд закрыли!

Сидя с краю на заднем сиденье, Дик пристально всматривался в окно и наконец увидел то, что хотел. На развилке на прежних местах, как ни в чем не бывало, стояли оба знака –

аварийной остановки и «Направление объезда». Знаки пронесли мимо недоуменного взгляда Дика, после чего он отвернулся и ни разу не взглянул на дорогу до самого города.

5

Возвращаясь из гостей, Михаил что-то весело насвистывал и, не стесняясь водителя такси, с которым работал в одном таксопарке, приставал к Мари. Прижавшись к нему на заднем сиденье, она шутливо отбивалась от мужа и бесстыже косилась на водителя, а тот, посмеиваясь, косился на них обоих в зеркало заднего вида. Из кармана Мишкиной куртки недвусмысленно выпирал его крижаль, и охмелевшая Мари, дразня, теребила его руками.

Поднявшись на свой этаж, они минут десять целовались, как безумные, потом, толкаясь и хихикая, ввалились в квартиру. Сема не спал: из детской доносились жизнерадостные звуки его любимой игры.

Убедившись, что Тима, их младшенький, мирно спит, несмотря на Семины шумные стрельялки-пулялки, Мари на ходу сняла бюстгальтер и проскользнула в ванную. Тем временем Михаил, чуть пошатываясь, направился на кухню. Когда Мари, накинув халатик на наспех вытертое тело, вышла из ванной, Михаил безмятежно посапывал, уронив голову на кухонный стол; за его спиной напрасно трубил подъем кипящий чайник. Сообразив, что ей сегодня ничего не достанется, Мари пошла в прихожую, где оставила сумку с сигаретами. И там застала Сему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.